

МАРТА СОКОЛ

Избранная
духом осени

Марта Сокол

Избранная духом Осени

<https://litres.ru/74644367>

SelfPub; 2026

Аннотация

Всю жизнь меня травили и называли ведьмой из-за родимого пятна на лице, пока однажды лес не утянул меня в настоящее Тридевятое царство. Теперь я — пленница и навязанная невеста Волха, древнего Хозяина Осени, который утратил способность чувствовать и скрывает внутри себя первобытное зло. Чтобы выжить в мире, где Баба Яга плетет интриги, а светлые былинные богатыри на деле могут оказаться безжалостными убийцами, мне придется пробудить свою истинную магию. И главное — сделать невозможный выбор: уничтожить суженого ради спасения миров от всепожирающей Гнили или попытаться спасти нас обоих.

В книге вас ждут:

Попаданка в магический мир

Славянское фэнтези и мрачные сказки

Навязанная невеста / от ненависти до любви

Властный и морально неоднозначный герой

Пробуждение силы

Содержание

Часть 1. Богатырь	4
Глава 1. Найденыш	5
Глава 2. Ведьма	17
Глава 3. Богатырь	26
Глава 4. Дорога домой	41
Глава 5. Нечистая сила	56
Глава 6. Дом осени	69
Глава 7. Бесчувственный	83
Глава 8. Проклятые	99
Глава 9. Ужин при свечах	114
Глава 10. Учитель	123
Глава 11. Осенины	133
Глава 12. Гниль	151
Глава 13. Его тень	159
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Избранная духом Осени

Часть 1. Богатырь

Глава 1. Найденыш

Камень со звоном влетает в окно, осыпая пол осколками. Я распрямляюсь и несколько мгновений смотрю на зияющую дыру в раме, не в силах поверить. В горле стоит тугой, горячий ком.

Снаружи доносится залиvistый мальчишеский смех.

Я еще несколько мгновений пребываю в оцепенении. Еще бы сантиметр в сторону, и этот булжник угодил бы мне прямо в голову!

Наконец я откладываю в сторону блюдо, которое только что мыла, сбрасываю с плеча кухонное полотенце и выбегаю наружу. На ходу скидываю домашние тапочки и втискиваю ноги в первые попавшиеся калоши.

— Эй, вы, детвора! — кричу я во все легкие, останавливаясь у самой калитки.

Но на улице уже никого нет, только пыль клубится там, где сверкают пятки местных сорванцов.

— Ведьма! Ведьма! — доносится из-за соседского забора, за которым они успели спрятаться.

Я часто дышу, тяжело облокотившись на деревянную ограду. Легкие горят огнем, а на глаза наворачиваются слезы обиды. Я так сильно закусываю губу, что во рту появляется металлический привкус.

— Нет на вас... — я путаюсь, не зная, что сказать, чтобы прозвучало хоть немного грозно. — Нет на вас участкового! Тени за забором затихают и притаились — явно слушают. — Вы могли бы моей бабушке в голову попасть! — продолжаю я, чувствуя, как дрожат колени. — Она и так старая! — Это она проклятие на урожай наслала! — выкрикивает самый звонкий голос, и с этими словами сорванцы с гиканьем улепетывают вглубь улицы.

Я разворачиваюсь к калитке, на которой красуется кривая, наспех нарисованная красным баллончиком надпись. Вдыхаю, вытирая лицо рукавом, и закрываю за собой дверь во двор.

Идя по дорожке к дому, я бросаю взгляд на грядки. Урожай действительно погиб: листья кабачков поникли, а лук и вовсе покрылся странной желтизной. Яблоки на ветках в саду чернеют и гниют прямо на глазах.

Я подхватываю лейку у крыльца и выливаю остатки воды на грядку, но желтые стебли только трескаются с неприятным, сухим звуком.

Я снова закусываю губу, понимая, что на деревню напала какая-то хворь. Надо вызвать кого-то из города — агронома или санэпидемстанцию. Я оглядываюсь через плечо на улицу и с досадой думаю о том, что местным по привычке удобнее винить во всем нас с бабушкой Агатой. Нет, в лицо они ничего такого не говорят. Но вот эти «детские шалости» красноречивей любых тихих шепотков.

Я поворачиваюсь к дому и вижу, что в дверях стоит бабушка. Она опирается на ходунки, щурясь на дневной свет.

— Василиса, — говорит она, — я слышала, на кухне что-то звякнуло.

Я натягиваю на лицо дежурную улыбку и притворно-спокойным голосом отвечаю:

— Это я, бабушка, блюдце выронила. Случайно.

Агата смотрит куда-то сквозь меня, хотя уже плохо видит, и произносит:

— Не-е-ет, я чувую, это детвора. Опять хулиганят?

Я подхожу к бабушке и бережно беру ее под руку, провожая к телевизору в гостиной. Усаживаю в кресло и укутываю плечи теплым пледом.

— Съезди в город, — неожиданно говорит Агата, глядя в пол.

— Я тебе тут нужна, — мягко отвечаю я.

— Я и без тебя справлюсь, — продолжает она упрямо.

— Да уж, конечно! — я фыркаю и возвращаюсь на кухню прибирать осколки разбитого стекла.

— Мне не нравится, что ты из-за меня учебу-то оставила.

Я замираю, чуть выпрямившись. Перед глазами вновь встают майские дни. Я ведь просто сбежала. Так глупо попала в ситуацию: самый красивый парень на курсе вдруг начал за мной ухаживать, а потом оказалось, что это был проигранный спор. Весь курс втайне делал ставки на то, как именно отреагирует уродливая девчонка, когда узнает правду.

Я машинально касаюсь большого черного родимого пятна на левой щеке, которое занимает почти половину лица. Того самого пятна, которое так безжалостно портит мою внешность.

— Нечего тебе здесь делать, — доносится из ее комнаты голос бабушки.

С улицы, сквозь разбитое окно, снова раздается мерзкий, насмешливый смех.

Я резко оборачиваюсь и вижу силуэты тех самых мальчишек. Я аккуратно притворяю дверь на кухню, разворачиваюсь, чувствуя, как к горлу подступает ярость. Нас в деревне считают ведьмами, но, кажется, совершенно не боятся.

И тут мне в голову приходит сделать то, чего я всегда избегала, чтобы лишний раз не подтверждать дурные слухи: проклясть их.

Я набираю полные легкие воздуха, но с губ срывается совсем не то, что я собиралась сказать:

— Вот увидите, я найду того, кто мою силу оценит!

Мальчишки за окном, видимо, не ожидав услышать от меня хоть что-то, замирают на секунду, а потом начинают смыкаться. А я продолжаю, обращаясь уже скорее к самой себе:

— И того, кто меня полюбит...

Затем я снова повышаю голос и кричу им вслед с надрывом:

— И соберу компанию хороших парней, которые таким, как вы, уши-то надерут!

Я выдыхаю, опустив плечи:

— Как жаль, что это не работает.

В этот момент с полки что-то гулко падает. Я всплескиваю руками: оказывается, от удара камнем стекло старого шкафа треснуло, и оттуда на пол вывалился наш семейный альбом и куколка, которую мне в детстве связала моя мама. Я опускаю игрушку в карман и начинаю бережно собирать пожелтевшие фотографии. Листаю их и внезапно осознаю: в альбоме нет ни одной из роддома.

Я поднимаюсь, сжимая альбом в руках, и выхожу к бабушке:

— Бабуль, а почему ты нас с мамой никогда на выписке не фотографировала?

Агата мрачно смотрит перед собой. Она долго молчит, а потом поворачивается ко мне.

— Не здешняя ты.

— Что это значит? — удивляюсь я.

Агата тяжело вздыхает и произносит то, от чего внутри все холодеет:

— Бросили тебя родители. Прямо там, в окрестном лесу. А мы... нашли, когда с твоей матерью за грибами пошли.

Уши затапливает глухой шум. Это совсем не то, что я хотела услышать. Это не то, к чему я была готова.

— Поэтому и говорю тебе, — звучат слова Агаты как будто сквозь толщу воды. — Что тебе здесь не место. Меня-то давно и за дело ведьмой зовут. Уезжать тебе надо... туда, где

ты нужна...

Я срываюсь с места. Ноги несут сами. Не могу сейчас смотреть в глаза бабушке. Мне нужно побыть одной. Я почти не замечаю, как выбегаю со двора и углубляюсь в темную, густую чащу леса.

Я бегу, не разбирая дороги, пока в груди не начинается жечь от нехватки воздуха. Ветки хлещут по лицу, цепляются за одежду, словно хотят остановить. Наконец, споткнувшись о толстый древесный корень, я с размаху лечу на землю.

Удар выходит болезненным — колени мгновенно простреливает острой болью. Я морщусь, сажусь прямо на сырой мох и принимаюсь растирать ушибленное место. Тяжело дыша, я оглядываюсь по сторонам. Лес вокруг кажется подозрительно густым и молчаливым. Ветки деревьев смыкаются над головой, почти не пропуская лунный свет.

Что-то не так. Мои руки странно гудят, а кончики пальцев покалывает, словно после слабого удара током. Я подношу ладони к лицу и дую на них, пытаясь остудить, но странное ощущение не проходит.

Наконец, вспомнив про телефон, я судорожно нашариваю его в кармане куртки. Экран загорается холодным светом. Я смотрю на верхний угол, но там красуется перечеркнутый кружок — сети нет совсем.

— Ну же, давай, — шепчу я, встряхивая аппарат.

Я пытаюсь набрать номер экстренных служб, но динамик

выдает лишь короткие гудки, а затем экран гаснет. Паника медленно, но верно подступает к горлу. В голове начинают всплывать пугающие истории из новостей про потерявшихся людей, которые замерзли насмерть или пропадали без вести в таких вот чащах.

Я плотнее запахиваю куртку и заставляю себя успокоиться. Вспоминаю уроки ОБЖ и советы из интернета: искать мох на северной стороне деревьев, прислушиваться к звукам. Я всматриваюсь в стволы, пытаюсь определить стороны света по коре и мшистым наростам.

Сделав несколько шагов наугад, я замечаю едва заметную, заросшую бурьяном тропинку. Решив, что любая дорога лучше, чем блуждание вслепую, я ступаю на нее, надеясь, что она выведет меня к людям.

Тропинка петляет сквозь густой ельник, и вскоре я замечаю как ясно вокруг пахнет осенью. Золотой свет пробивается через ветви деревьев. Пахнет медом и яблоками, так что у меня даже сводит живот. В ветвях деревьев пестреют алые ленты. Они трепещут на ветру, словно маяки. Продвигаясь вперед, я начинаю различать на коре древние знаки: вырезанную медвежью лапу и колосок.

Я нервно сглатываю. Все это выглядит странно. С другой стороны, это значит, что я не заблудилась окончательно и где-то поблизости есть люди.

Я аккуратно продвигаюсь вперед, раздвигая ветки, и наконец выхожу на просторную поляну. Посреди нее возвыша-

ется воистину огромный дуб, ствол которого тоже покрыт ритуальными знаками. К моему удивлению, они слегка мерцают. Я моргаю и встряхиваю головой. Наверное, кажется от усталости. Очень странный оптический эффект!

Я осторожно подхожу ближе, так как меня завораживает это сияние, да и просто хочется все рассмотреть. Ветви дерева тоже украшены ленточками, и вблизи это выглядит красиво и совсем не опасно.

Но стоит мне сделать еще пару шагов, как я резко торможу: на плоских камнях у основания дуба разложены чьи-то кости.

Я отступаю на шаг, чувствуя, как внутри все холодеет. Это же какое-то языческое капище! Но любопытство пересиливает страх. Слишком уж необычно светится кора. Я протягиваю руку и прикладываю ладонь к стволу. На вид это самый обычный дуб, но вырезанные на нем знаки пульсируют, словно дерево дышит.

И что самое удивительное, я чувствую идущее от коры тепло. Оно такое мягкое, приятное, что хочется постоять здесь подольше, забыв про все страхи. Я забираюсь на самый большой плоский камень, чтобы было удобнее, и шепчу себе под нос:

— Я, наверное, просто заснула...

Позади вдруг раздается красивое хоровое пение, от которого щемит сердце.

Я невольно улыбаюсь. Мне приходит в голову мысль, что

камень, запущенный мальчишками, все-таки попал мне в висок, и теперь я валяюсь без сознания. Я грустно думаю: «А как же теперь бабушка Агата?».

Но тут пение резко обрывается, и следом раздается испуганный женский крик.

Я рывком оборачиваюсь и вижу людей, одетых как родноверы — в длинных славянских рубахах, расшитых алыми оберегами. Двое мужчин ведут под руки полненькую розовощекую девушку в венке из колосьев. Это она сейчас кричала.

Мужчины при виде меня тут же хватаются за ножи на поясах. А самый старый из них закрывает ладонями лицо и восклицает так, словно небо вот-вот упадет на землю:

— Не ее должны были привести! — выкрикивает женщина в венке. — Не ее!

— Осень сама выбрала, — шепчет кто-то.

— Ведьма на месте невесты Хозяина! — воет старик.

Пришедшие с ним начинают испуганно перешептываться, а я тихо произношу себе под нос:

— Вы серьезно?

Но кажется, они не шутят. Мужчины с яростными оскалами кидаются вперед.

Я отступаю, а руки предательски дрожат.

— Это сон. Всего лишь сон, — твержу я себе.

Но кора под пальцами ощущается слишком рельефной, слишком реальной.

— Может, хватит играть в древних славян?! — набравшись смелости, бросаю я.

А затем меня осеняет: а вдруг это не ролевики, а настоящие маньяки, которые убивают своих жертв в лесу и приносят их богам? Ноги от этих мыслей подкашиваются, а тело перестает слушаться.

Поднимается сильный ветер, отбрасывающий вооруженных мужчин назад. В воздух взмывает вихрь из сухих, побуревших листьев, закружившись прямо передо мной. Я сглаживаю и убираю с лица черные, как вороново крыло, волосы.

— Ну вот, — бормочу я, — во сне нельзя умереть по-настоящему.

В этот момент из вихря перед нами возникает высокий мужчина в кожаном доспехе, с грубой медвежьей шкурой на плечах. Его лица не видно, так как на голову накинута капюшон из головы медведя. Портной даже не стал убирать верхнюю челюсть, и в полумраке капища желтоватые звериные клыки смотрятся пугающе реалистично. Воздух вокруг него мгновенно холодеет, а дышать становится труднее.

— Господи... — выдыхаю я, оценивая размах его плеч.

— Я Волх, Хозяин Осени, — произносит он. Голос у него оказывается глубоким, бархатным, от него вибрирует сама земля под ногами.

Я делаю шаг в сторону, гадая, для чего я могла понадобиться в этом странном ритуале.

— Никто не смеет тронуть ее, — Волх поворачивает го-

лову, и люди у алтаря разом оседают, будто под тяжестью его взгляда. — Не вы ее привели. Осень привела. Ко мне.

Вот это уже звучит опасно. Я делаю движение, чтобы побежать, но ноги внезапно прилипают к земле. Я смотрю вниз и с ужасом вижу, как из-под земли поднимаются корни и плотно обвивают мои лодыжки, словно живые змеи.

В этот момент Волх делает несколько широких шагов навстречу. Я крепко зажмуриваюсь и шепчу:

— Надо проснуться...

Разлепляю глаза и встречаюсь с его взглядом. Глаза мужчины сияют мягким, холодным желтым светом.

Дыхание в груди замирает, потому что лицо, которое я могу разглядеть из-под капюшона, оказывается невероятно красивым: мужественным, с идеально выточенными чертами. Мое сердце пропускает удар.

На миг я даже забываю про корни у моих ног, которые в этот момент аккуратно врастают обратно в землю. Мне кажется, я сама хочу его прикосновения.

— Ты пришла ко мне, — произносит Волх, в его голосе звенит уверенность зверя, напавшего на след.

Завороженная, я выдыхаю.

Он протягивает руку и касается моего подбородка.

А следом происходит то, чего никто из нас, наверное, не мог ожидать: лицо Волха искажает гримаса боли, словно он коснулся раскаленного металла. Он резко отшатывается, хватается за левое плечо и шипит сквозь зубы:

— Прочь!

Я только что почувствовала, как внутри него, скрытое, сидит что-то очень плохое. И теперь я вижу это воочию: из тела Хозяина Осени вырываются клубы мрака. Всюду на поляне вырастают едва заметные тени, под их ногами трава жухнет и оборачивается пеплом. Родноверы разворачиваются и с криками: “Гниль!” бросаются в чашу.

Я вижу, что тени обращают в пепел все, чего касаются.

— Беги! — кричит Волх, разрывая ближайшую к нему тварь, внезапно выросшими из его пальцев когтями.

Сердце стучит как бешеное, обливаясь кровью от ужаса. Я ныряю в густые заросли, бегу так быстро, как никогда в жизни.

Глава 2. Ведьма

Лес выглядит сплошной непроглядной стеной. Мне кажется, что и его сейчас тоже населяют тени. Машинально опускаю руку в карман, надеясь отыскать там сотовый и зажечь фонарик. Но это не получается. Аппарат падает вниз и теряется между корнями.

Зато другой рукой я нащупываю куколку, которую положила в куртку, когда убиралась на кухне у бабушки Агаты.

И тут происходит странное: я чувствую тепло, исходящее от ткани, почти такое же, какое я чувствовала когда мама гладила мою щеку перед сном.

— Мамочка, — шепчу я, чувствуя, как вокруг становится все темней, а позади страшно ревет Волх — и это уже не человеческий голос, это рык зверя. — Помоги мне добраться домой!

Деревья неожиданно расступаются, образуя впереди тропинку.

— Слуги мои! — это последнее, что я слышу, прежде чем побежать.

Тропинка обрывается у частокола, за которым видно поросшую мхом крышу. Я расправляю плечи и выдыхаю, глядя на куколку.

Довела-таки до жилья.

Я оборачиваюсь и вижу, как за моей спиной стремительно сгущается тьма. Тени! Я в панике отступаю к забору. Они всё-таки меня нагнали!

Но в тот же миг меня отсекает от лесаневидимая стена. Мощным потоком воздуха меня отшвыривает назад, и я больно ударяюсь спиной о грубо отесанные колья частокола.

— Ай! — невольно вырывается у меня.

— Нашла дорогу? — звучит из полумрака двора скрипучий старческий голос.

Я резко оборачиваюсь и вижу скрюченную фигуру, закутанную в серую холщовую рубаху и подпоясанную передником. По плечам рассыпаны седые, спутанные волосы. В голове помимо воли яркой вспышкой бьет узнавание: Баба Яга!

— Значит, не совсем бестолковая, — продолжает старуха.

Она разворачивается ко мне всем корпусом, и я с ужасом понимаю, что наверху её тяжелого посоха служит настоящий человеческий череп. В его пустых глазницах мерцает жуткий синий огонь.

— Что застыла? Проходи, раз уж добралась.

— К-кто вы? — бормочу я, замороженно глядя, как безликие тени снаружи беззвучно бьются о невидимый барьер.

— А кто еще может жить на лесной опушке за таким забором? — старуха недовольно цыкает зубом и поворачивается к калитке.

В этот самый момент из лесной чащи бесшумно выезжают три всадника: один в ослепительно-белом, второй в си-

яющем золотом, а третий — в глухом черном. Я замираю. Передо мной разворачивается абсолютно сюрреалистичная картина: время прямо на моих глазах начинает течь вспять. Тени стремительно вытягиваются обратно в лес, словно на кинопленке, пущенной в обратной перемотке.

— Это Утро, День и Вечер, — равнодушно поясняет старуха. — Слуги Хозяина Осени.

Я вздрагиваю, вспомнив того пугающего мужчину, которого встретила у ритуального дуба. Он показался мне диким, могущественным, но... выходит, он еще и хозяин времени?!

— Заходи, пока и тебя не настигли, — ворчит хозяйка избушки. — С Волхом тебе говорить не понравится. Не умеет он с женщинами толковать.

Я отлепляюсь от забора и, стараясь не смотреть в ту сторону, где только что скрылись всадники, прохожу во двор.

Моим глазам предстает избушка на курьих ножках. Только сейчас она, кажется, крепко дремлет: огромные чешуйчатые лапы согнуты и аккуратно подобраны под деревянное брюхо сруба.

Увидев это, я окончательно теряю дар речи. Старуха тем временем притворяет калитку и что-то тихо шепчет, едва касаясь дерева узловатыми пальцами.

— Вы... Баба Яга?! — всё-таки срывается с моих губ.

— Зови просто Ягой, — отмахивается она. — Не такая уж я и баба...

— А что это сейчас было? — дрожащей рукой указываю

в сторону потемневшего леса.

Яга щурится и выплевывает одно-единственное слово, словно ругательство:

— Гниль!

— Что?

Она встает прямо передо мной, тяжело опираясь на посох. Синий огонь в глазницах черепа пульсирует, и я невольно сглатываю: вблизи это выглядит еще страшнее.

— Осень в этом году испортилась, — глухо говорит Яга.

— Гниет. И даже Волх ничего с ней не может поделать.

— Кто он такой? — выдыхаю я.

— Судья надо всем Тридевятым царством, — объясняет она таким тоном, будто это прописные истины. — Тот, кто урожаем одаривает, и тот, кто по осени спрашивает за дурные дела, причем строго. Многие боятся его имя вслух произносить.

Горло пересыхает. Я судорожно сглатываю.

— Говорят, что Гниль впервые явилась, когда он на празднике в честь рождения дочери Зимы яриться стал и карами всем грозить. Прогневил, мол, богов своим самоуправством, так что мир терпеть его выходки отказался, — глаза Яги странно, испытующе блестят. — Но я-то чую: все сложней.

Старуха делает несколько тяжелых шагов по двору, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Я стою, чувствуя себя невероятно глупо и... жутко. За мной только что

гнались хищные тени, а теперь я переминаюсь с ноги на ногу во дворе у сказочного персонажа, который, если верить легендам, любит запекать детей в печи!

— А я тут при чем?! — в отчаянии бросаю я ей в спину.

Яга останавливается и медленно оборачивается через плечо.

— А ты, возможно, Осень выручишь. Будет у тебя только три месяца чтобы загадку Хозяина Осени решить.

Сердце пропускает удар.

— Почему я?!

Яга усмехается, разглядывая меня с головы до пят.

— Хороша ведьма!

— Я не ведьма!

— Еще какая! — говорит старуха. — Сегодня почувствовать его что-то впервые за много-много лет заставила. Не спустит он тебе это так. Придет следом.

— Почему это, придет? — я прижимаю руки к груди.

— Столетиями не чувствовать это тебе не шутки! — хитро щурится Яга. — Всех судит, а его никто! Вот и одичал. Не замечает, что все его боятся. Но ты-то ровня ему по силе.

— Что это значит?

— Сможешь заставить Волха одуматься. А нет — Гниль сожрет и тебя. Станешь хуже последнего мертвеца.

Я вздрагиваю. Угрозы старухи со светящимся черепом в руках выглядят вполне реальными. В голову непрошеными гостями врываются слова, которые я в сердцах бросила тогда

в саду: «Найду того, кто оценит мой дар». Что ж, похоже, действительно нашла на свою голову.

— И что же мне делать? — проглотив ком в горле лепечу я.

— Силу возвращать... — пожимает плечами Яга, — от дара ты слишком долго отказывалась. Теперь чтобы вернуть его, придется постараться. Да и рать будет недурно собрать.

Она тяжело смотрит на лес.

— Какую еще рать?

— Богатырскую! Для чего-то эти остолопы все-таки пригодятся. — С этими словами Яга переводит взгляд на меня и прибавляет, как будто очнувшись. — Ты сначала пойди, приведи себя в порядок, да каши поешь.

Она указывает на избушку. Я передергиваю плечами, потому что Яга выглядит так, словно собирается не помощь мне дать, а назначить испытание.

Я вхожу в избушку. Под лавку тут же с недовольным шипением бросается черный кот, сбивая по пути глиняный горшок. Каша с противным чавканьем растекается по половицам, но это оказывается лишь началом неприятностей. Пол вдруг начинает ходить ходуном, а с полок с грохотом валятся плоски и пучки сушеных трав.

Я еле удерживаюсь на ногах, мертвой хваткой вцепившись в край стола. И только когда эта жуткая тряска прекращается, с ужасом осознаю: из печи на пол выкатилось горящее

полено!

Бросаюсь к нему, в панике соображая, чем его потушить. В итоге просто хватаю тяжелую железную заслонку и, используя ее как поднос, ухитряюсь запихнуть пылающую головешку обратно в жерло печи.

Утираю со лба липкий пот. С пожаром покончено, но на домотканом половике теперь уродливо чернеют прожженные пятна.

Я в сердцах упираю руки в бока. Ну и какая из меня ведьма, если я даже с домом Яги совладать не могу?!

И тут происходит нечто еще более странное: огромное дерево за окном с оглушительным треском содрогается. Его толстые ветви на моих глазах втягиваются в ствол, а вокруг поднимается вихрь из золотых листьев, скрывая все за плотной шуршащей завесой.

Я припадаю к стеклу и вижу, как внизу прямо из грубой дубовой коры Яга выводит за руку... мужчину. В ту же секунду остатки дерева рассыпаются в воздухе мелкой трухой. Я в шоке отшатываюсь.

У Яги во дворе растет дуб-оборотень?!

Осторожно возвращаюсь к окну и разглядываю незнакомца. Он уже бредет к ветхому низкому строению — судя по пару из-под крыши, это баня. Я на мгновение заглядываюсь: густые русые волосы, потрясающе ладная фигура. Узкие бедра, разворот широких плеч... Это слишком бросается в глаза на фоне его рваной, перепачканной одежды.

Мелькает шальная мысль: если все дубы внутри такие же симпатичные...

Поток моих мыслей прерывает очередной толчок земли. Первое, что я успеваю сделать, — это надежно закрыть печную заслонку, а потом все-таки теряю равновесие и лечу на пол.

Дверь скрипит и отворяется как раз в тот момент, когда я судорожно пытаюсь подняться на ноги.

Яга смотрит на меня со смесью задумчивости и разочарования.

— Совсем силы своей не чувствуешь? — качает она головой и цокает языком.

Я только скриплю зубами. Когда всю жизнь тебе не говорили ни единого доброго слова, списывая на тебя все беды, еще не так захочешь отгородиться от всего непонятного и пугающего.

С трудом поднимаюсь, цепляясь за ножку стола, и выпрямляюсь, почему-то чувствуя себя нашкодившей девчонкой.

— Для колдовской силы нужна сила духа. — продолжает Яга, подходя к огромному, окованному железом сундуку. Она с натугой откидывает крышку, и я вижу внутри ворох одежды, ловя себя на мысли, что думать не хочу, с чьего она плеча. — Запомни, девка, Алеша — первый урок. Сумеешь приручить того, кто ведьм ненавидит, и других одолеешь.

— Приручить? — ошарашенно бормочу я. — Оживший

дуб?

Яга заходится каркающим старушечьим смехом.

— Богатырь это, — говорит она, отсмеявшись и утирая слезу. — Алёша.

— А как он превратился в дерево? — глухо выдавливаю я.

Глаза старухи нехорошо блестят.

— За дела, которых с лихвой наделал. Знаешь, что это за порода? — Она пронзительно смотрит на меня.

Я сначала отрицательно качаю головой, потом неуверенно киваю, вспоминая обрывки былин, и в конце концов просто прижимаю ладонь ко лбу, окончательно запутавшись.

— Враги всей нечисти, — отчеканивает Яга, не сводя с меня глаз. — Защитники земли русской. Только под силу с Гнилью справиться. Только распустились в последнее время эти дурни. Собрать тебе их надо, а потом уже к Волху являться, коли хочешь остаться жива.

Я вздрагиваю. Вот это задачка!

Глава 3. Богатырь

— А что за дела натворил этот... богатырь? — осторожно уточняю я, перебирая вещи в сундуке.

— Леших рубил, русалок вязал, домовых из изб выкуривал. Никому спаса от него не было! Беда в том, что простой управы на них не придумано, силой мериться — смысла нет.

Я замираю, комкая в руках жесткую ткань рубахи.

— А что тогда? — мои пальцы нервно вздрагивают.

— Надо брать хитростью. Хитрость-то у тебя, поди, есть?

Яга поднимается со своего места и начинает активно командовать, рассказывая мне, как и во что этого богатыря одевать. А я лишь растерянно киваю, чувствуя себя запутавшейся девчонкой, а не могущественной ведьмой, способной укротить легендарного воина.

На дне обнаруживается плотная, серая, как зола, домотканая рубаха из конопли — грубая, но сносу ей не будет. Рядом ложатся просторные суконные штаны неопределенного коричневого цвета, подбитые мягким зайцем для тепла. Следом я вытягиваю широкий кожаный пояс с латунной пряжкой и пару шерстяных онучей. Чуть поколебавшись, добавляю к охапке тяжелый шерстяной плащ, подбитый лисой. В осеннем лесу без плаща нельзя.

Я распрямляюсь, подхватывая стопку вещей на руки, го-

товая идти к двери.

— Стой! Куда?! — Яга щурится. Я резко притормаживаю у самого порога. — К мужику в баню в исподнем заявишься?

Я растеряннo моргаю, опускаю взгляд на свои ноги и только тут соображаю, что на мне надеты мои привычные, потрепанные джинсы и толстовка. В контексте избушки на курьих ножках и богатыря в бане это наверное выглядит... дико.

— Рубаху надень, дуреха, — снисходительно поясняет Яга, махнув рукой в сторону сундука, — да косу заплети нормально.

Я возвращаюсь к сундуку. Быстро, стараясь не думать о том, с чьего плеча эти вещи, я нахожу для себя длинную, до пят, холщовую рубаху-сорочку. Ткань, на удивление, пахнет морозным утром и сушеной полынью. Алые, замысловатые узоры обережной вышивки по вороту и подолу горят так ярко, словно их только вчера закончили мастерить.

Вскоре я заканчиваю с одеванием. На мне длинная белая рубаха с алой вышивкой, поверх нее — синий шерстяной сарафан, подпоясанный тканым пояском. Волосы уложены в тугую, тяжелую косу. Я чувствую себя странно, непривычно, словно попала в историческое кино, но одежда на удивление удобная.

— Ну, теперь ступай! — наконец напутствует Яга, не оборачиваясь.

Я открываю тяжелую дверь. По спине меня бьет тугая, непривычно тяжелая коса — я еле справилась с тем, чтобы

усмирить свои непослушные волосы.

Выхожу наружу и оказываюсь на мягком, замшелом ков-
ре лесной земли и, не оглядываясь, направляюсь в сторону
бани. У самого порога я замираю. Вдруг я окажусь там не
вовремя?

Я тихонько стучу в дверь бани, но ничего не происхо-
дит. Стучу громче, и тяжелая створка неожиданно подается
внутрь.

Я едва не проваливаюсь в густой полумрак, дышащий па-
ром и терпкими древесными запахами. Горячий влажный
воздух мгновенно забивает нос и легкие.

Проморгавшись, осматриваюсь. У закопченных стен сто-
ят широкие лавки и пузатые бочки с водой, под потолком су-
шатся пучки мяты, зверобоя и полыни. Возле печки-камен-
ки прислонен свежий веник с еще зелеными листьями.

Вдруг раздается громкий плеск воды. Я резко оборачива-
юсь на звук и замираю: в самом темном углу, скрытый клубя-
ми пара, стоит богатырь. В чем мать родила. Ко мне спиной.

От неожиданности я тихонько икаю, и он оборачивается.

Первое, что приходит в голову, — мгновенно зажмурить-
ся. Но перед внутренним взором, как назло, так и стоят де-
тали, которые я успела разглядеть.

Алеша сложен просто невероятно. Признаться, я никогда
в жизни не видела таких красивых мужчин — и уж тем бо-
лее не стояла к ним так близко. Под влажной от пара кожей
перекатываются мощные, литые мышцы плеч и груди. Мок-

рые русые волосы облепили лоб и шею, по ключицам стекают капли воды, а на груди поблескивает простой деревянный оберег на кожаном шнурке.

Но я успела заметить и еще кое-что: на его предплечье багровеет глубокий, рваный порез. Поток воды, который он только что вылил на себя, на мгновение смыл темную кровь, обнажив разорванную плоть, но рана тут же закровоточила с новой силой.

— Прости, я не хотела! — в панике вырывается у меня.

В ответ слышатся неторопливые шаги, легкий шорох ткани и уверенный, по-молодецки приятный голос:

— Это ты прости, что засмушал.

От него так сильно пахнет теплым летним лугом и чистой водой, что у меня слегка кружится голова. А еще от него исходит почти осязаемый жар.

Я распахиваю глаза и встречаюсь с открытой, чуть нагловатой улыбкой богатыря. Что-то в глубине души само по себе отзывается на нее, колет раскаленной иглой, и я в мгновение ока выскакиваю из бани в сени, судорожно захлопывая за собой дверь.

— Извини! Я правда не знала... — кричу я через доски.

Слышно, как он тяжело приваливается к деревянному полотну с другой стороны.

— Будешь меня здесь держать? — в голосе скользит усмешка. — Яга тебе угрожала? Батрачить на нее заставила?

— Нет! — тут же отзываюсь я.

— Тогда что ты тут делаешь? — спрашивает он все так же весело и легко.

— Жду, пока ты оденешься, — сквозь зубы выдыхаю я, злясь на себя за то, что очертания его мускулистого торса так и стоят перед глазами.

— Одной рукой несподручно будет, — замечает он, хотя я слышу шорох ткани. — Принесешь чего-нибудь перевязать?

Я нащупываю за пазухой куколку, которую нарочно захватила с собой.

— Я принесла... — с этими словами я чуть приоткрываю дверь, проскальзываю внутрь и снова встречаюсь с богатырем взглядом.

У него удивительно ясные, пронзительно-голубые глаза. В памяти сразу всплывают слова старухи: «защитник земли русской».

Я опускаю глаза и с облегчением выдыхаю: Алеша все-таки успел натянуть штаны. Послушался.

И тут меня пронзает внезапная мысль.

— Как тебя звать-то по-настоящему?

— Нет уж, сначала ты назовись, — он тяжело опускается на широкую лавку.

Его глаза ярко поблескивают в банном полумраке.

— Василиса, — я осторожно присаживаюсь рядом.

Алеша касается раненого плеча и сквозь зубы втягивает воздух:

— Мерзкая рана. Все силы из меня выпила, иначе бы Яге

никогда меня не одолеть...

Я крепко сжимаю в кулаке куколку, не зная, как подступиться к самому главному. Предложить ему службу прямо сейчас — это будет выглядеть совершенно нелепо.

Алеша задумчиво смотрит перед собой, а потом вдруг коротко усмехается.

— Заперла она меня здесь, когда я по болотам да лесам вел охоту на одного супостата, что города и пашни разорял да дома рушил. Чтобы я людей больше не защищал...

— Она сказала, что ты...

— Что? — оживляется Алеша.

— Рубил по лесам нечисть...

Алеша смотрит на меня, и его глаза ярко блестят в полумраке. Так не могут блестеть глаза у того, кто считает себя виноватым. Он с хрустом сжимает кулаки.

— Только ту, из-за которой людям житья не было! Яга нас всех приручить была бы рада, чтобы мы волю ее исполнили. Но не видать ведьме этого, — он презрительно хмыкает.

— А что, если я тоже ведьма? — невольно вырывается у меня.

Богатырь смотрит на меня внимательно, а потом чуть улыбается. Улыбка у него такая очаровательная, открытая, что прямо берет за душу. Как будто он совершенно меня не боится.

— Ты не стала бы меня неволить и вот это на шею надевать, силу бы не связала, — он трогает деревянный оберег

на ключицах, чуть оттягивая кожаный шнурок. — Я светлые души чувствую.

Я замираю. Впервые кто-то назвал меня светлой. Впервые кто-то смотрит на мое родимое пятно так, словно это не уродство, а всего лишь часть меня. И видит во мне нечто большее, чем просто девчонку с пятном на пол-лица.

Сердце начинает биться часто-часто, и я спешу отвести взгляд.

— Почему она тебя обратно превратила? — проговариваю я одними губами.

Он снова смотрит перед собой, и между его бровей залегает глубокая складка.

— Превратить — превратила, но просто так не выпустит. Придумает какую-нибудь гадкую хитрость. А я добрым людям нужен. Я... и мой меч.

Его слова ранят сильнее, чем я могла ожидать. Я даже слегка сутулюсь от этого невидимого удара и до боли прикусываю губу.

— Я Алеша, кстати, — припечатывает богатырь, меняя тон на более легкий. — Местные кличут сыном волхва, но так-то я Попович.

Я резко вскидываю голову, не в силах поверить, что передо мной настоящий персонаж из былин. Защитник земли русской — Яга не врала!

— Слыхала про меня? — искренне удивляется Алеша.

Я киваю, а потом тоже встаю и медленно продвигаюсь к

нему. Раз это Алеша Попович, я обязана ему помочь.

Парная окутывает нас обоих теплым, влажным коконом. Я почти невесомо касаюсь его плеча, чуть выше раны. Богатырь не вздрагивает от прикосновения, но я вижу, как мелкие волоски на его руке приподнимаются, реагируя на мою близость.

— Теперь... теперь я чувствую твою силу, — он поворачивает голову к мне, его голубые глаза блестят в полумраке парной.

Я в испуге отдергиваю руку, словно обожглась. А я... я никакой силы в себе не чувствую! Только страх и растерянность.

Мы встречаемся взглядами. В парной воцаряется тишина, нарушаемая только шипением воды на камнях каменки.

Кожа Алеши горячая, влажная, от нее идет жар. Мои пальцы почти касаются открытой раны.

И тут... все происходит само собой. Я чувствую, как сквозь мои пальцы течет какая-то чужая, мощная энергия. Она горячая, бурлящая, как вода в каменке.

Прямо под моей ладонью края раны начинают медленно стягиваться. Глубокий багровый порез срастается, покрываясь свежей розовой кожей. Секунда — и на месте жуткой раны остается лишь тонкий, едва заметный белый шрамик.

Я в испуге отдергиваю руку. Алеша смотрит на свою руку. В парной воцаряется тишина.

Богатырь медленно поднимает руку, разглядывает ее, про-

водит пальцами по гладкой коже. На его лице расцветает широкая, радостная улыбка, глаза блестят.

— Вот это да... — выдыхает Алеша. — Спасла ты меня, девица. Спасла.

Я в смущении опускаю взгляд. Щеки горят не хуже, чем от пара.

— Строго говоря... не я, — тихо произношу я. — Это мой оберег.

Богатырь смотрит мне в глаза.

— Какая разница, девица! Ты пришла. Ты сделала.

Я чувствую, как неловкость нарастает. Чтобы скрыть ее, я резко указываю ему на охапку принесенных вещей на лавке.

— Одевайся. Яга... она попросила быстрее.

Поворачиваюсь, собираясь выйти, но Алеша вдруг ловит меня за плечо. Я замираю. Прикосновение его руки — аккуратное, но при этом уверенное, сильное, горячее после бани.

Я оборачиваюсь. Мы встречаемся взглядами. Этот взгляд... он глубокий, благодарный, и в нем... в нем я вижу восхищение. На вид Алеше можно дать лет двадцать-двадцать пять, не больше. И он жилистый, статный, белокожий — как будто в нем собрано все лучшее, что может быть в русском человеке. Аж дух захватывает!

— Спаси меня еще раз, девица, — тихо говорит Алеша. Его хватка на моем плече становится слабее, но он не отпускает. Его голос вибрирует, заставляя мое сердце биться чаще. — Чего бы она ни приказала тебе спросить с меня, в

оплату или в помощь, — не соглашайся. У нее всегда двойное дно. Свяжешь нас клятвой и оба пропадем. А если дело будет правое, я сам тебе на помощь приду. Защищать буду.

— Обещаешь?

Он кивает.

— Тогда и я клянусь.

Он улыбается, тихо, благоговейно и твердо говорит:

— Ведьмы своих слов не нарушают, — и я поражаюсь тому, что в его голосе сейчас звучит сталь.

Хватка на плече ослабевает.

Я вздрагиваю. Вот опять... Ведьма!

Он натягивает рубаху через голову и кивает мне:

— Ну пошли! Уговор есть уговор.

Во дворе нас уже поджидает Яга. Она опирается на клюку и подозрительно косится в нашу сторону.

— Ну что? — бросает она скрипуче. — Взяла с него обещание служить тебе? А то так бы кровью и истек! Потому что, дубовая башка, полез туда, куда не велено! Зверя древнего по лесам выслеживал!

Я непонимающе хмурюсь. О чем это она? Какой еще зверь? Алеша вместо оправданий лишь гордо расправляет широкие плечи.

— А что, если зверь этот...

— У-у-у! — Яга в сердцах машет на него рукой. — Держал бы ты свой рот на замке, разбойник!

Старуха тяжело подходит ко мне, цепко заглядывая прямо в глаза. На ее морщинистом лице ясно читается гнев.

— Что? Голову тебе задурил? Сказок красивых наплел?

— Яга фыркает. Я бросаю растерянный взгляд на Алешу, вижу, как он насмешливо скалится, и вдруг с ужасом понимаю: старуха права. — Пересмешник он бабий! Этот тебе и не такого выдумает!

Она отступает на шаг, сверля меня взглядом.

— Говори, клятвы ему какие давала?!

Я неуверенно киваю. Алеша тоже поворачивается и смотрит на меня. В этот миг мои руки леденеют.

— Что обещала-то? — продолжает наседать Яга, и я сдаюсь, коротко пересказывая наш уговор.

— Ой, дура! — Яга раздраженно качает головой. — Не будет от тебя толку, девка! Зря только Яровит с колдовством своим старался...

Я инстинктивно делаю шаг назад, словно от пощечины. Яга оборачивается через плечо, и ее глаза на мгновение вспыхивают жутким желтым огнем.

— Если собираешься так Хозяйкой Осени стать, то Гниль тебя махом сожрет. И даже эти вот... дубиноголовые не спасут, — в голосе Яги сквозит неприкрытая ненависть, когда она кивает на богатыря.

Алеша тем временем спокойно скрещивает руки на груди и едва заметно, снисходительно улыбается. Я смотрю на эту улыбку и чувствую, как внутри все цепенеет. Очарование

рассеивается, уступая место горькому разочарованию. Моя доверчивость обернулась против меня.

— Но если никто из них тебе служить не будет, то сгинешь, девка, — низко, почти угрожающе произносит Яга. — Богатыри-то кровью своей клялись нечисть вычищать. Управы на них нет и не будет, пока кто-то не возьмет над ними власть!

С этими словами старуха разворачивается и скрывается в избушке. Я бросаю испуганный взгляд на Алешу, но тот, не говоря ни слова, лишь поправляет пояс и по-хозяйски следует за ней.

Я остаюсь стоять у порога в полном одиночестве. Из-за закрытой двери то и дело доносятся приглушенные голоса — несколько раз я отчетливо слышу имя Волха.

Поколебавшись, я все-таки решаюсь толкнуть тяжелое полотно двери. Чувствую себя невероятно глупой и виноватой, но уж больно хочется узнать, о чем так жарко спорят легендарный богатырь и Баба Яга.

Едва я переступаю порог, оба резко замолкают и оборачиваются ко мне.

Яга с силой хлопает ладонями по столешнице:

— Придется тебе, девка, все же спасти Хозяина Осени!

— Или нас — от Хозяина Осени, — насмешливо поправляет Алеша.

Яга бросает на него испепеляющий взгляд. А я встречаюсь с ясными синими глазами богатыря, и тугой комок оби-

ды встает поперек горла. На миг хочется развернуться, выбежать за дверь и броситься в чашу. До меня окончательно доходит: все это время он просто давил на жалость и пытался мне понравиться, чтобы получить свободу. А я, как наивная дурочка, купилась на то, что он назвал меня «светлой душой».

Резкий окрик Яги обрывает мои мысли.

— Завтра же пойдешь к ведьме, что тебя вырастила! И забереешь силу, иначе твоя не пробудится! — припечатывает она.

— Что? — вырывается у меня. Сердце пропускает удар.

Глаза старухи лихорадочно блестят в полумраке избы.

— Что слышала! Час ее последний настал!

Поздний вечер проходит в гнетущем молчании. Передо мной стоит плошка с нехитрой похлебкой, но аппетита совершенно нет. Алёша же уплетает предложенное угощение так, будто неделю не ел. Я то и дело бросаю на него хмурые взгляды. До сих пор не верится, что меня так легко и непринужденно водил за нос настоящий сказочный богатырь!

В конце концов я со стуком швыряю деревянную ложку в миску и отворачиваюсь.

— Ешь, — невозмутимо говорит Алёша.

Я резко поворачиваю к нему голову. За время, прошедшее с нашей беседы в бане, я успела накрутить себя и решить: раз Яга вывела его на чистую воду, он потеряет ко мне вся-

кий интерес. Прямо как тот парень из института — посмеялся над доверчивой девчонкой и тут же нашел себе новое развлечение.

Алёша спокойно берет со стола румяное яблоко, протирает его рукавом рубахи и протягивает мне. В его синих глазах светится всё та же солнечная, обезоруживающая теплота, что и в бане.

«Пересмешник он бабий!» — ядовито звучит в ушах голос Яги, и я мысленно бью себя по рукам. Только вот что еще он хочет через меня провернуть?

— Завтра путь предстоит долгий, — Алёша щурится и, не дождавшись, пока я возьму яблоко, просто кладет его на стол рядом с моей рукой. — Будет тяжело, если проголодаешься и не выступишься.

— Откуда тебе знать, куда мы идем? — шиплю я, словно потревоженная гадюка.

Он лишь мягко улыбается, скрещивая на груди мощные руки.

— Богатыри все тропы да перекрестки меж мирами ведают, — глухо ворчит от печки Яга. — Они же земли эти защищать поставлены. Были... Пока сами не стали для нас бедой.

Алёша медленно прикрывает глаза, принимая упрек старухи, а я во все глаза смотрю на него. В голове вспыхивает ослепительная догадка: значит, богатырь знает путь обратно? Ко мне домой?! Сердце сбивается с ритма и готово выпрыгнуть из груди.

— Должен он мне за рог Индрик-зверя и теперь три поручения выполнит, коли хочет свободы, — продолжает старуха, поворачиваясь ко мне. — И если ты со своей силой не справишься за это время, девка, — пеняй на себя!

Глава 4. Дорога домой

Я подскакиваю от первого же пронзительного крика петухов. Сон был рваным, тяжелым, и во рту остался горький привкус тревоги.

Посреди избы уже всю хозяйничает Алеша. Одет он по-походному: поверх простой рубахи накинут добротный плащ, к поясу приторочен меч. Он споро собирает дорожный мешок и, заметив меня, бросает веселый, участливый взгляд. Только вот теперь в каждом его прищуре мне видится холодный расчет.

Я сажусь на лавку, зябко растирая затекшие плечи. В этот миг Алеша, не оборачиваясь, ловко бросает мне свежее яблоко — то самое, которое протягивал вчера. Я ловлю его каким-то чудом, едва не выронив.

— Я не шутил! — усмехается он и выходит, пригнувшись в дверях.

Выдыхаю и все-таки надкусываю румяный бок. Тут же накатывают мысли о бабушке и о том, что ждет меня в конце пути. Пусть она, как выяснилось, мне и не родня, но своими глазами видеть ее смерть...

Кусок застревает в горле, и я рывком поднимаюсь с лавки.

— Если я еще не ведьма... я могу ей не становиться? — с отчаянием обращаюсь я к Яге. — Может, есть другой путь?

Яга смотрит на меня и медленно качает головой:

— Пути обратного у тебя нет. Раз назвалась невестой Хо-
зяина, то он тебя теперь не оставит. А раз обладаешь силой,
так послужишь Жизни.

Старуха распахивает дверь, и я вижу Алешу, который уже
седлает лошадей во дворе. Тяжело выдыхаю. Кажется, впе-
реди меня ждет еще одно испытание.

Алеша вскакивает на своего скакуна молниеносно, одним
слитным движением. В седле он выглядит потрясающе — на-
стоящий русский богатырь: сильный, ловкий, воплощенная
уверенность.

Я подхожу к своей лошади и начинаю неловко на нее ка-
рабкаться, путаясь в подоле сарафана. Алеша смотрит на
мои мучения с немым вопросом в глазах.

— У нас... у нас не принято на таком ездить! — цежу я
сквозь зубы, едва не переваливаясь на другую сторону седла.

Он понимающе кивает, легко спрыгивает на землю, берет
мою лошадь под уздцы и привязывает поводья к своему сед-
лу.

— Так надежнее будет.

Я же думаю только о том, как бы не свалиться по дороге.
Вцепляюсь в луку седла и пытаюсь хоть как-то устроиться на
теплой, вздрагивающей спине животного. Но путь все равно
кажется мне пыткой.

Лес ранней осенью по-своему прекрасен. Мы выехали по-
чти сразу после рассвета: воздух прозрачный, чистый, пти-

цы заливаются на все лады, и, вопреки тревогам, хочется дышать полной грудью. Я хмуро смотрю на прямую спину своего спутника. «Защитник земли русской», — звучит в голове. Если он здесь положительный герой, то кто тогда я?

В этот миг Алеша оборачивается.

— Что-то ты сегодня нелюбезна, — замечает богатырь.

От этих слов я едва не задыхаюсь от возмущения. С чего он взял, что я должна с ним кокетничать? Он вообще мое лицо видел? Да и после вчерашнего обмана как-то не тянет на любезности. Каким бы красавцем он ни был там, в бане, на таких манипуляторов я еще в институте насмотрелась...

— Думаешь, обижу? — хмыкает Алеша.

Он и вправду сейчас невыносимо хорош: хитрая ухмылка, растрепанные пшеничные волосы и глаза цвета ясного неба. Я упрямо отворачиваюсь, стараясь на него не смотреть.

— Думаю, Яга была права на твой счет!

Лицо Алеши мгновенно теряет былую легкость. Он отворачивается к дороге.

— Мне надо было на свободу, — глухо отзывается он, и в этом «надо» звучит такая затаенная боль, источника которой я не понимаю. — Она приказала мне дубом стоять сто лет.

Алеша расправляет плечи, и в этот миг до меня доходит, как это, должно быть, страшно — потерять вообще всё: возможность говорить, дышать, двигаться. Быть живым, но запертым внутри дерева. Будучи... проклятым. Похоже, это испытание даже тяжелее, чем моя ноша.

— Забудь, — тихо бросаю я, сдавая назад.

— От лиха я тебя охраню! — безапелляционно обещает богатырь, глядя вперед.

Но между строк до дрожи неприятно звучит горькая правда: охраню, пока ты сама не станешь этим лихом.

Остаток пути проходит в молчании. Когда солнце клонится к горизонту, Алеша спрыгивает с коня и раздвигает ветви. Я тоже не без труда слезаю с лошади и подхожу к нему.

Там, вдалеке, за пеленой тумана и какими-то невидимыми глазу искажениями воздуха, я вижу... машину дачников. Обычную, пыльную иномарку на проселочной дороге. Мое сердце делает сумасшедший кульбит. Мой мир! Он здесь, за этими кустами!

— Когда-то очень давно я жил в Ростове. — Тихо говорит Алеша.

Я вскидываю голову. Этого я точно не ожидала услышать.

— В настоящем?

— Ну, это как сказать... — он усмехается, и в этой усмешке больше горечи, чем веселья. — В том, от которого сейчас осталась только память. Именно она связывает меня с тем, что ты называешь своим миром. Тридевятое царство — это не Киев, и здешний князь — не Владимир. Я скучаю по тем временам. Но иногда... могу хотя бы глазком заглянуть за границу.

Я замираю. Там, вдалеке, за пеленой тумана и какими-то

невидимыми глазу искажениями воздуха, я вижу... машину дачников. Обычную, пыльную иномарку на проселочной дороге. Мое сердце делает сумасшедший кульбит. Мой мир! Он здесь, за этими кустами!

Я смотрю Алеше в глаза и вижу в них бесконечную, глубокую печаль.

— Ты... ты когда-нибудь ходил на ту сторону? — осторожно, почти шепотом спрашиваю я, забывая о том, что еще недавно на него злилась. Мне правда жалко сейчас потерявшего родину богатыря.

Алеша смотрит куда-то в небо, поверх крон деревьев.

— Мне нельзя. Мое место здесь.

Я аккуратно беру его за руки — его ладони огромные и горячие. Я тяну его на себя, туда, к просвету, к шуму мотора и запаху бензина.

— Пошли! Ну же, хотя бы на шаг! — сердце замирает, когда я это говорю.

Богатырь медлит, его лицо напряжено, но потом он делает глубокий вдох и нехотя сдвигается с места, следуя за мной к границе миров.

Я ускоряю шаг, почти срываясь на бег. Сердце колотится где-то в горле, но ноги сами находят знакомые тропы. Это странное, острое чувство из детства, когда возвращаешься из леса домой, к теплу и свету, только теперь за моей спиной неслышной, но мощной тенью следует сам Алеша Попович.

Мне не по себе от его присутствия в моем мире, но я гоню эти мысли прочь. Богатырь — моя страховка, мой щит. Он шагает легко, уверенно, его плащ едва шелестит по сухой траве, а взгляд цепко сканирует пространство, которое для меня — дом, а для него — чужая, непонятная земля.

— Нас примут за родноверов или реконструкторов, — нервно смеюсь я, оглядываясь на его расшитую рубаху и меч.

Алеша лишь приподнимает брови, явно не понимая ни слова, но чувствуя мою тревогу.

— Неважно, — отмахиваюсь я.

Наконец мы заходим в наш старый сад. Яблони гнутся под тяжестью плодов, и этот запах — кислых ранеток и прелой листвы — бьет в нос, доводя до слез. Я замираю у окна. Там, в полумраке комнаты, у бабушкиной постели стоит врач в белом халате. Фигура его кажется зловещей.

Алеша встает вплотную ко мне. Он слышит мое прерывистое дыхание, видит, как дрожат мои плечи. Неожиданно его пальцы — горячие, мозолистые от меча и поводьев — накрывают мою ладонь.

Я поворачиваю голову. Я ловлю себя на горькой мысли: никто и никогда не проявлял ко мне участия просто так.

— Ты должна пойти туда? — тихо спрашивает Алеша, не отпуская моей руки.

Я прижимаю свободную ладонь к груди, нащупывая сквозь ткань сарафана куколку. Внутри меня закипает протест. Я не хочу силы, купленной такой ценой. Не хочу смер-

ти. Я зажмуриваюсь и загадываю желание — всей душой: «Пусть она живет! Пусть будет счастлива, еще пять, десять лет, пусть увидит внуков, как мечтала!»

Воздух вокруг внезапно густеет. Мир перед глазами идет рябью, как отражение в воде, в которую бросили камень.

Картина в окне меняется. Врач исчезает. Вместо него у постели я вижу свою маму — живую, смеющуюся! И еще каких-то людей, детей... Внуки? В комнате вспыхивают яркие огни, на столе дымится пирог, а сама бабушка — в нарядном платье, бодрая и румяная — раскладывает угощения по тарелкам. Это сцена из будущего, которое я только что создала.

Я отступаю на шаг, хватая ртом воздух.

Богатырь дергает меня за руку, вырывая из оцепенения. Его голос звучит как приказ:

— Уходим, Василиса! Нельзя чтобы нас тут увидели!

Я бреду назад, не разбирая дороги. Я не смогла бы принять силу бабушки вместе с ее жизнью, я ведь сделала все как надо, но чувствовать себя выкинутой из жизни невыносимо.

Мы минуем границу миров и я тут же запинаюсь ногой о коварный, торчащий из земли корень. Алеша ловко ловит меня, не давая упасть. От него исходит запах луговых трав. И от этого... спокойно. Я тут же вспоминаю, что Алеша — охотник на нечисть и тут же отталкиваюсь от его груди.

— Заночуем в лесу, — решает богатырь и я не сопротивляюсь — слишком устала.

Я соглашаюсь на нехитрый ужин и заворачиваюсь в плащ, но вскоре земля под ногами начинает дрожать. Сон рвется в клочья. Стоны и крики доносятся отовсюду, и я с ужасом понимаю, что это уже не видение.

Я вскакиваю. В серых лучах рассвета я вижу Алешу. Он стоит у углей прогоревшего костра, сжимая в руках меч. Лук брошен на землю. Вокруг нас, в тумане, мечутся тени, издавая дикие визги.

— К костру! Ближе! — кричит мне Алеша, заметив, что я очнулась.

Я на четвереньках подползаю к нему и наконец вижу тех, кто на нас напал. Умертвия. В клочьях истлевшей одежды, с синюшной, пергаментной кожей, они движутся неестественно. Но их глаза... они горят голодным, злым огнем.

Я инстинктивно хватаю тяжелое обгорелое полено и выставляю перед собой, когда одна из мертвых девиц бросается на меня. Но Алеша быстрее. Он кидает тот самый нож, которым вчера чистил картошку — и попадает ей точно в глазницу. Мертвячка заваливается назад, увлекая за собой остальных.

— Господи... — шепчу я, поджимая ноги.

— Молитва тут не поможет, — бросает Алеша, не оборачиваясь. — Раз восстали навьи, значит, Волх совсем перестал с работой своей справляться. Тут только один способ — бить твердой рукой!

Я наблюдаю, затаив дыхание, как он рубит один из живых

трупов — от макушки до самого низа. Какая чудовищная сила! Руки у меня дрожат, но вид Алеши успокаивает. Он не просто сражается, он словно исполняет жуткий, выверенный танец. Каждое движение четкое, экономное. Он подныривает под удары скрюченных пальцев, толкает, рубит и неизменно выходит победителем, не подпуская их ко мне ни на шаг.

Навий все еще много, они лезут из теней. Я хватаюсь за брошенный лук, надеясь помочь, но мои пальцы бессильны — я не могу ни тетиву натянуть, ни стрелу приложить.

Наконец, когда солнце поднимается выше, освещая лесную чащу, покойники начинают отступать обратно в овраги. Алеша тяжело дышит, потирая руки. Он весь перемазан в черной, густой жиже — в это превращается кровь тех, кто давно должен был истлеть. Его грудь высоко вздымается под рубахой.

Я едва жива от пережитого ужаса. Алеша подходит, забирает у меня из рук лук и колчан. Он молча позволяет мне привалиться к своему плечу, и это единственное, что не дает мне упасть — ноги совсем не держат. Я неожиданно для самой себя обнимаю его, утыкаюсь носом в его плечо и вздрагиваю, зажмурившись, чтобы не видеть изуродованных тел вокруг.

Он не отталкивает. Его рука ложится мне на спину, успокаивающе гладя.

— Не переживай, — говорит он тихо. — Первые петухи прокричали, до вечера их здесь не будет.

Я выдыхаю и чуть отстраняюсь, чувствуя неловкость. Смотрю на него снизу вверх. Его лицо снова такое, как прежде — доброе, открытое.

— Что это было? — спрашиваю я, стараясь не смотреть на трупы.

— Заложные покойники, — отвечает Алеша. — Осень в этом году странная. Нечисть творит что хочет.

— Чего они хотели? — шепчу я.

— Может, у огня погреться, — Алеша пожимает плечами.

— А может, голову кому оторвать. Им все одно.

Он отступает на шаг, расправляет плечи и сурово смотрит в ту сторону, где скрылись тени.

— Я должен найти их гнездо и выжечь подчистую. А ты здесь обожди.

Я вздрагиваю. Остаться одной в этом лесу, где только что были мертвецы?

— Но... если они всего лишь хотели обогреться?.. — голос мой обрывается, когда я встречаюсь с ним взглядом.

В его глазах сталь.

— Нечисти не место на белом свете, — чеканит он, поправляя меч на поясе. — Богатыри поставлены, чтобы людей от нее избавлять.

И, не оглядываясь, он уходит в чащу.

Я провожу полдня с лошадьми на поляне, не в силах заставить себя сделать даже шаг в лесную чащу. Стою на един-

ственном пятне солнечного света, словно это защитный магический круг. Страх леденит изнутри, а обида на Алешу горько закипает где-то под сердцем. Он просто ушел. Оставил меня одну среди трупов и теней.

— Чертов русский богатырь, — цежу я сквозь зубы, зябко обнимая себя за плечи.

Наконец, когда тени начинают подозрительно удлиняться, из кустов появляется Алеша. Богатырь выглядит хмурым, но я замечаю, что его руки и лицо чистые — видимо, по пути умылся в ручье. Меня это странно радует: значит, он все-таки позаботился о том, чтобы не возвращаться ко мне перепачканным в чужой крови.

Он молча подхватывает наши вещи и навьючивает их на коня. Ни улыбки, ни бодрого «пошли», ни вопроса о том, как я тут вообще не сошла с ума за эти часы. Я стою в стороне, не понимая, можно ли сейчас к нему хотя бы приближаться.

— Думаешь, мне нравится уничтожать тех, кто еще недавно был одним из нас? — вдруг глухо говорит богатырь, хлопывая коня по мощной холке. — Но выбора нет. Если боги не справляются с тем, чтобы мертвые спали, должны потрудиться такие, как я.

И я вдруг проникаюсь уважением к тому, что он делает. Начинаю понимать, что им движет. Возможно, Яга была не так уж и права.

«Яга», — всплывает в памяти. Страшно подумать, что она скажет мне теперь. Алеша тем временем подставляет ладонь,

помогая мне вставить ногу в стремя.

— А от Яги сможешь меня защитить? — спрашиваю я, когда он уже легко вскакивает в свое седло.

Богатырь обращает ко мне вопросительный взгляд. Я набираю в грудь воздуха, не зная, как объяснить свои страхи. В это время его конь спокойно переступает через чью-то отрубленную руку, так и оставшуюся валяться на тропе. Я непроизвольно жмурюсь и отворачиваюсь.

— Лучше спроси, смогу ли я защитить тебя от Волха, — хищно скалится Алеша.

— Что? — вырывается у меня.

— А ты думаешь, зачем Яга меня наняла? Чтобы я тебе тропки в лесу показывал да мечом от веток махал? Здесь есть кое-что пострашней.

Я чуть ударяю лошадь пятками по бокам — уже поняла, что это верный способ заставить ее прибавить темп.

— Объясни! — требую я, нагоняя богатыря.

— Знаешь, кто твой суженый? — хмыкает он, глядя на меня через плечо.

Я фыркаю:

— Какой еще...

— Он был первым из нас, — мрачно роняет Алеша, уставившись на гриву коня.

— Волх — богатырь?! — я даже поперхиваюсь от неожиданности.

Алеша кивает:

— Да. Волх Всеславович. Он человек не до конца. Родился от змеиного укуса, потому он — оборотень. Чародей, каких поискать. Однажды на заре веков он со своей дружиной победил самого Чернобога и выгнал его за границы мира. Но в том бою полегла вся его рать, а сам Волх получил рану, которая не заживала. Он носился по лесам безумным зверем, не зная покоя от боли, пока не утратил все чувства. С тех пор стал жестоким. Кто на суд его позовет, непременно пожалеет. Потому что никто с этого суда целым не выходит.

Лошадь подо мной вдруг взбрыкивает, я подаюсь вперед и едва не вываливаюсь из седла.

— Эй! — Алеша мгновенно протягивает руку и перехватывает меня. Как всегда, очень своевременно.

Богатырь без видимого труда водружает меня обратно в седло, а я с ужасом вспоминаю о том, что, кажется, вернула Волху кое-что из этих чувств. И это «кое-что» причинило ему жуткую боль. Он так кричал тогда, на капище...

— Боги не забыли его подвига, — продолжает Алеша, убедившись, что я держусь крепко. — Пообещали ему новую рать. А Волх взамен стал беспристрастным судьей, властным над временем.

— Это те три всадника?

— Это чудовища Чернобога, — усмехается богатырь. — А рать... — он смотрит куда-то вдаль. — Ее уже нет.

И в этих словах звучит такая глухая, застарелая боль, что, сложив в уме недавние слова Яги и его горькое выражение

лица, я внезапно все понимаю.

— Вы! — вырывается у меня. — Это вами он должен был командовать, так?!

На лице Алеши появляется кривая, ничего хорошего не предвещающая улыбка.

— Теперь с ним рядом никто не встанет.

Я отвожу взгляд. Значит, богатыри восстали против своего предводителя, и из-за этого начались проблемы в Тридевятом царстве.

— Вы... сами отказались ему подчиняться? — спрашиваю я, чувствуя, как повисшее молчание становится колючим.

Алеша горько фыркает:

— Как же, отказались! Сначала он нас проклял. Сказал, что в Тридевятом царстве нам места не найти. Будем мы вечными странниками на границе.

Я резко вскидываю голову. Пальцы леденеют, и я невольно до побеления костяшек сжимаю поводья.

— Из-за этого ты и попал в неприятности? Из-за которых оказался дубом у дома Яги? — шепчу я.

Алеша медленно кивает. Но внезапно в его синих глазах снова вспыхивает то самое знакомое, лукавое озорство:

— Ну, а ради тебя Яга меня освободила. Так что зла я на тебя не держу, Василиса.

«Пока», — настойчиво шепчет внутренний голос.

Больше Алеша со мной так и не заговаривает, пока с неба

не начинаю валиться рыжие листья. Это кажется мне таким красивым: самое начало осени и вот уже листопад. Пахнет чем-то прелым и сладким.

И тут богатырь неожиданно хватает под уздцы мою лошадь, пришпоривает своего коня. Так, во весь опор, мы добираемся до уже знакомого мне частокола.

Алеша загоняет мою лошадь внутрь, спрыгивает на землю и какое-то время напряженно смотрит в лес.

«Ты его боишься?» — застывает у меня на губах, когда я ловлю ладонью ярко-алый дубовый лист.

— Ну как успехи, девица? — слышится позади скрипучий голос Яги и я вспоминаю, где оказалась.

Глава 5. Нечистая сила

Алеша следом заводит в ворота своего коня. Яга фамильярно хлопает богатыря по плечу.

— Ступай, защитничек, снова в баньку. А то тиной от тебя разит и требухой.

Алеша без единого слова разворачивается и уходит. Я провожаю его взглядом, пока его широкая спина не скрывается в темноте. Он не оборачивается. Мне хочется думать, что если мне сейчас действительно понадобится помощь, то он не изменит своим словам.

Я стою посреди двора, сжимая в похолодевших пальцах мамину куколку. Яга буравит меня взглядом.

— Я думаю, что кое-что могу сама... — мямлю я.

— Это был оберег, — бросает Яга, глядя на куклу. — И мог только три желания исполнить, как все волшебные вещи. Что дальше-то делать будешь, а?

Мне кажется, что в ее голосе не звучит осуждения.

— Защитить он тебя пообещал? — спрашивает старуха.
— Это уже кое-что.

Я сначала киваю, а потом спохватываюсь.

— Что? Откуда?...

Яга кивает на козырек крыши и я вижу как с него срываются несколько птиц, отдаленно похожих на лебедей.

— Сogleдaтaи мoи. Отпpавишьcя зaвтpа к чepтy, — бeз-
aппeляциoннo Ягa.

Я нeвoльнo дeлaю шaг нaзaд.

— Чтo? Кудa?

— К бoлoтнoмy, — ycмexaeтcя Ягa, и этa ycмeшкa нe
пpeдвeщaeт ничeгo хoрoшeгo. — Pаз нe зaxoтeлa чистyю си-
лy oт бaбки пpинимaть пo пpaвy кpoви, пpидeтcя тeбe cдeлкy
зaключaть. C нeчистым.

Сepдцe нaчинaeт стучaть в peбpa, кaк пoймaннaя птицa. Я
выдыхaю, чувcтвyя, кaк пocлeднaя oпopa yxoдит из-пoд нoг.

— Пpидeтcя cнoвa пocлaть c тoбoй бoгaтыpя, — Ягa ки-
вaeт в cтopoнy бaни. — Бeз eгo мeчa дa oкpикa тeбe чepтa из
тoпи нe вылoвить. Дa и oбвeдeт тeбя poгaтый вoкpyг пaльцa
в двa cчeтa, и глaзoм мopгнyть нe ycпeeшь.

Скaзaв этo, oнa влacтным жecтoм yкaзывaeт нa двeрь из-
бyшки.

— Стyпaй. Умoйcя кaк cлeдyeт, пocпи. И хoрoшeнькo пo-
дyмaй нaд тeм, чтo я тeбe cкaзaлa. Удaчa любит тeх, ктo зyбы
имeeт.

Я плeтyсь к кpыльцy, чувcтвyя ceбя бeскoнeчнo ycтaлoй.
Зaвтpа — бoлoтo. Зaвтpа — cдeлкa c чepтoм.

Нa yтpo Алeшa yжe ждeт вo двope. Oн c лeгкoй, пoчти пo-
кpoвoтeльcтвeннoй yлыбкoй нaблюдaeт зa мoими пoпыткa-
ми нaвьyчить лoшaдь. Кoгдa я oкoнчaтeльнo зaпyтывaюcь в
peмняx, oн пoдxoдит и мoлчa пoмoгaeт зaтянyть ceдeльныe
cyмки.

Алеша опускает стремя и привычно тянется к поводу, но я перехватываю его руку.

— Нет. Я хочу научиться сама.

Алеша кивает, и всю дорогу терпеливо объясняет мне азы управления. Я быстро выдыхаюсь — это только со стороны кажется, что ехать верхом легко.

— Что меня там ждет? — спрашиваю я на привале. — Яга ничего не сказала, но раз она отправила со мной тебя, значит, прогулка не будет легкой.

Алеша поднимает голову. Его голубые глаза в свете костра кажутся непривычно глубокими и... хитрыми.

— Что ты знаешь о чертях? — спрашивает он, откидываясь назад.

— Я думала, они бывают только в сказках, — честно признаюсь я. — Хотя после умертвий меня уже мало что удивит.

— Черт не даст тебе силу просто так, — Алеша прикусывает хлеб. — Он мастер обмана и искушения. Его главная задача — заморочить тебе голову так, чтобы ты сама отдала то, что ему нужно.

Я подаюсь вперед, забыв о еде.

— А ты их встречал?

Улыбка мгновенно стирается с его лица, взгляд уходит куда-то в небо.

— Мой батюшка... — он осекается. — В общем, я знаю, как с ними обращаться. Поэтому к нему ты пойдешь одна.

Я замираю. Страх липким холодком проходится по спине.

Алеша замечает мою реакцию и добавляет:

— Черт не покажется, если почует меня рядом. Ему нужно, чтобы ты была уязвима. Я буду приглядывать, — обещает он. — Не дам ему зайти слишком далеко.

— И что против него помогает?

— Молитва, крест, святая вода, — перечисляет Алеша. — А если из старого, то соль и железо.

— Железо?

Я хлопаю себя по пустым карманам. Алеша усмехается, отстегивает со своего пояса нож в ножнах и протягивает мне.

— Спасибо, — шепчу я.

— Пристегни к поясу, — советует он, поднимаясь.

Остаток пути проходит спокойно. Рядом с ним я ловлю себя на мысли, что почти забыла об опасности. И о том, что самая большая опасность может исходить от самого Алеши.

На закате мы снова устраиваем привал. Мой взгляд падает на его лук. Алеша перехватывает его.

— А это... сложно? Сражаться? — спрашиваю я.

Вместо ответа он протягивает мне оружие.

Я беру лук, но он такой тяжелый, что я едва не роняю его. Тетива кажется каменной. И вдруг за моей спиной оказывается Алеша. Его грудь касается моей спины, его щека почти вплотную к моей. Я чувствую его дыхание на своих волосах. Его сильные пальцы ложатся поверх моих, помогая натянуть тетиву.

Сердце пускается вскачь. Дыхание перехватывает. Он до-

стает стрелу и вкладывает ее в лук. И это, пожалуй, именно то, чего я всегда и хотела: научиться защищать себя.

— Если задумала напасть — не медли, — негромко говорит он мне на ухо. — Рука должна быть крепкой, а ум — спокойным.

Он помогает мне выпустить стрелу. Свист — и она глубоко уходит в расщелину дерева.

— Ты никогда не сомневался? — спрашиваю я, оборачиваясь. Мы так близко, что я вижу каждую веснушку на его щеках.

— Я поступаю так, как велит сердце, — просто отвечает он. — И никогда себе не лгу.

Мы выпускаем еще несколько стрел. Я захожу в азарт, чувствуя почти детский восторг. Последняя стрела летит в сторону болота. Вверх испуганно вспархивает утка, Алеша мгновенно вкладывает новую стрелу, ведет меня... спуск.

Птица падает замертво.

Весь мой восторг испаряется. Я прижимаю руки к лицу.

— Черт! — вырывается у меня.

Алеша спокойно забирает лук и направляется в заросли.

— Зачем ты ее убил?! — кричу я ему в спину.

— Потому что это наш ужин, Василиса, — он оборачивается через плечо. — Припасы не бесконечны, а путь долгий.

Я теряю дар речи. Мне физически плохо от мысли, что я только что приложила руку к убийству.

Когда он возвращается с добычей, я стою, обхватив себя

руками, и дрожу.

— Ты должен был сказать, что собираешься...

Он усмехается. И в этой усмешке я вижу ответ на свой вопрос о том, легко ли сражаться.

— Сейчас осень, — перебивает он. — Птенцы уже выросли.

Вечер проходит в тягостном молчании. Алеша ловко разделяет птицу и жарит мясо на огне, посыпая его травами, что собрал в дороге. Запах такой аппетитный, что мой желудок, вот уже день не знающий ничего, кроме лука, начинает предательски урчать.

Алеша протягивает мне ножку. Я ломаюсь пару секунд, но голод побеждает.

— Жестокость не должна быть бесцельной, — говорит он, глядя на огонь. — Людям нужно есть.

Я молчу. Сказать на это нечего. Алеша ловит мой взгляд, и его лицо становится серьезным.

— Никогда не сомневайся в схватке, Василиса. Твоя слабость может стоить кому-то жизни. Завтра утром мы расстанемся.

Я набираю в грудь воздуха, чтобы возразить, но он перебивает, подкидывая веток в костер:

— Помни одно: ни на что не соглашайся. Что бы он ни предлагал. Я приду на помощь, но только тогда, когда черт поверит, что ты совсем одна.

Наутро мы расстаемся. Идти приходится долго. Обед уже позади, а пейзаж все тот же: заболоченный лес, колючий кустарник и хлюпающая под ногами жижа. Сапоги промокли насквозь, ноги гудят, и каждый шаг дается с трудом.

Вдруг из-за старой ели на дорогу вылетает мужчина. Глаза безумные, он мечется, хватается за шапку.

— Нечистая сила! — вопит он так, что моя кобыла взбрыкивает. Едва удерживаю ее.

Мужик падает на поваленное дерево, хрипло дыша.

— Три дня... три дня кругами меня черт водил! Покажи, девица, дорогу назад, Христа ради!

Я твердо качаю головой:

— Мне нужно на болото.

Он вскакивает, хватает меня за ворот куртки и едва не встряхивает.

— Нельзя тебе туда! Сгинешь! — его крик срывается на хрип.

Я всматриваюсь в его лицо — обычное, ничем не примечательное. Аккуратно отцепляю его пальцы.

— Дайте мне пройти.

— Ты что же, ведьма? — он шурится, не отступая. — Только ведьма сама пойдет черту в пасть!

— Ладно, я провожу вас, — сдаюсь я, лишь бы он перестал орать.

Я разворачиваю лошадь, решив довести его до того старого раздвоенного дуба, который мы проходили утром. Мужик

рассыпается в благодарностях.

Мы идем, но он постоянно лезет с советами.

— Не туда берешь! Я тут уже был. Вон, гляди, лоскут от моих портов на сучке остался!

И правда: на ветке висит клочок синей ткани, а у него на штанах — дыра. Спорить не хочется. Но чем дальше мы идем, тем гуще становится бурелом. Воздух тяжелеет, становясь сладковатым, дурманящим. Лес замолкает. Тишина давит на уши — зловещая, магическая.

Мужик продолжает болтать, заглядывая мне под капюшон.

— А ты кто такая будешь? А ищешь кого? Уж не суженого ли?

Он забегает вперед, и на мгновение мне кажется странной его поза — какой-то он слишком скрюченный. В голове мелькает мысль о подвохе, но тут же растворяется в липком тумане.

— Думаешь, никто не позарится? — хихикает он. — Давай научу, как парней привораживать.

— Этому не научишь, — обрываю я его.

— Ошибка-а-аешься, — его голос вдруг меняется, становится надтреснутым, дребезжащим. — Руку дай! Погадаю! Люблю я гадать странникам...

Я запинаясь о корень, которого секунду назад здесь точно не было. Мужик бросается ко мне, вытягивая когтистую руку, и в этот миг воздух прошивает свист стрелы. Она с влаж-

ным чавканьем вонзается ему в плечо, отшвыривая назад.

Я падаю на колени, едва успев выставить перед собой руки. Впереди что-то визжит — не по-человечески, дико. На месте мужика мечется нечто, покрытое черной жесткой шерстью.

— Ну что, образину свою показал? — раздается знакомый, спокойный голос.

Туман в голове рассеивается. Я вижу высокие сапоги Алеши прямо перед собой.

— Хорошую я засаду устроил? — продолжает он, и в его голосе слышится холодное торжество. — Добрую приманку выдумал?

Он протягивает мне широкую ладонь. Я хватаюсь за нее, как за спасительный круг, и он одним рывком ставит меня на ноги. Запах луговых трав, исходящий от его одежды, окончательно возвращает меня к реальности.

Перед нами, внутри круга из рассыпанной соли, беснуется настоящий черт. Все как на картинках: свиное рыло, козлиные ноги, рога и длинный коровий хвост. Его глаза горят, как два раскаленных угля. Стоит ему коснуться соли — он отскакивает с воплем. Железный наконечник стрелы в его плече шипит, обжигая плоть нечисти.

Я перевожу дыхание, чувствуя, как внутри все сжимается от отвращения. В этом существе нет ничего страшного, но оно все пропитано чем-то мерзким и неправильным.

— Давай подсоблю, а то до утра возиться будешь, — хмы-

кает Алеша.

Он легко перешагивает соляную черту, ловит черта за шкирку и рывком вынимает стрелу. Нечистый мгновенно обмякает в его кулаке. Алеша достает пеньковую веревку и начинает споро вязать ему лапы. Черт только шипит.

Богатырь смеется, глядя на свою добычу:

— Думал, я тебя ловил, чтобы просто так отпустить?

В этот момент меня словно обухом по голове бьет. Я смотрю на Алешу и вижу не защитника, а охотника на нечисть. Это не просто слова. Я видела, как он рубил умертвий. Видела, как отправился жечь их гнездо.

Черту от него не уйти.

И мне — тоже.

Я стою и смотрю на его руки, затягивающие узел. На спокойное лицо человека, который делает привычное дело.

Три задания Яги. А потом он будет свободен. И я буду — нечистью без защиты. Черт под его руками хрипит.

Алеша затягивает последний узел и оборачивается ко мне. Голубые глаза — ясные, спокойные.

— Ну, — говорит он, — спрашивай. Время пришло.

Я сглатываю вязкую слюну и заставляю себя сделать шаг вперед. Рука сама тянется к существу, но в последний миг я отдергиваю ее, словно от раскаленного железа. В голове вспыхивает отчетливая, ледяная мысль: если я прикоснусь к нему сейчас, этот мерзкий, пропахший тинной и серой черт навсегда станет частью моей жизни. Ценой, которую платит

каждая ведьма за свою силу.

Я не хочу такой силы.

— Отпусти! — блеет черт, извиваясь в стальной хватке Алеши. — Чего хочешь сделаю, девица, только отпусти!

Алеша встряхивает его так, что у нечисти лязгают зубы.

— Суженого тебе наворожу! Красавца, какого свет не видывал! — не унимается черт, вращая горящими глазами.

— Ополоумел? — басит Алеша, и в его голосе вибрирует такая неприкрытая угроза, что даже у меня мурашки бегут по коже.

Черт вжимает голову в плечи, переводя взгляд с богатыря на меня и обратно. Его тактика меняется на ходу, голос становится тонким, заискивающим:

— Только убери этого... воина! Не дай ему издеваться над моей душенькой, Василисушка!

Я стою как вкопанная. Язык словно прирос к небу. Я смотрю на Алешу и вижу в его глазах холодный блеск праведного гнева. Он не просто наказывает — он вершит суд.

— Алеша! Алешенька, ясный сокол, — завывает черт, извиваясь. — Хочешь, правду скажу? Про братьев твоих? Расскажу, где искать их, как из беды выволить... не все ведь живы-то сейчас, ох не все!

— Рыло свое поганое заткни! — рывкает Алеша, и я вздрагиваю от силы его голоса. — О злодеяниях своих сказывай. Кайся!

— Да что я... я ничего... — черт скулит, и от него начи-

нает исходить едкий дымок. — В трясиношке дом обустривал, свадебку играть думал...

Алеша начинает читать молитву. Тихо, размеренно, словно вбивая гвозди:

— *Господи, просвети тьму мою... Да сокрушатся силы вражиш...*

Черт взвизгивает, его шерсть начинает дымиться, а по лесу разносится вонь паленой кожи.

— Прав ты, Алеша, прав! — перекрикивает он молитву, захлебываясь собственным визгом. — Топил я путников! Кругами водил! На мерзости наускивал! Детей воровал...

В этот миг его горящий взгляд вливается в меня. В ушах начинает шуметь, словно от приближающегося поезда.

— Подменышей матерям оставлял, — шепчет он, и этот шепот перекрывает голос Алеши. Мир вокруг меня пускается в пляс, деревья качаются, как пьяные. — В другом мире... в твоём мире...

Меня накрывает такая волна тошноты и ужаса, что я не выдерживаю. Разворачиваюсь и бегу. Просто бегу прочь, не разбирая дороги, лишь бы не слышать этого нечеловеческого визга. Мне страшно до судорог. Я не хочу знать правду о подменах. И я боюсь Алешу — боюсь того, как легко он причиняет боль, даже если речь о черте.

Мне не нужен такой защитник! Даже если... если меня найдет Волх!

Я влетаю в густой бурелом, ветки хлещут по лицу, легкие

горят огнем. Я останавливаюсь только тогда, когда прямо передо мной, преграждая путь, начинает кружиться знакомый вихрь.

Золото, багрянец, сухие листья взмывают вверх, образуя плотную стену.

А вот и Хозяин Осени!

Глава 6. Дом осени

Вихрь из сухих листьев бьет в лицо, ослепляя золотом и багрянцем. Я отступаю на несколько шагов, прикрывая глаза рукой, и тут же замираю. Бежать некуда. Я не знаю этой части леса, не помню дороги и, кажется, окончательно заблудилась.

Из центра кружащейся листвы проступает он. Волх. Его присутствие давит на плечи, заставляя воздух вокруг вибрировать. Я вспоминаю слова Яги о том, что Гниль уничтожит меня, если не пробудится сила.

Кажется я... проиграла.

Эта мысль не дает двинуться.

— Как ты посмела?! — его голос гремит. — Попытаться подчинить богатыря?!

Волх делает шаг вперед, и листья у его ног вспыхивают ярким пламенем.

— А что? Это что-то неправильное? — вырывается у меня.

Волх лишь глубоко дышит, в упор глядя на меня. Его ноздри раздуваются от ярости и мне становится здорово не по себе.

— Его сила про...

— Эй! — раздается позади меня.

Тон, как всегда, немного насмешливый, дерзкий. Я резко оборачиваюсь. Алеша стоит в нескольких шагах от нас. В его правой руке — обрывок пеньковой веревки, той самой, которой он только что вязал черта. Он отбрасывает ее в сторону

— У нечистого сегодня счастливый день, — комментирует Алеша. — Девицу вот пришлось вызволять. Не хочешь ли ты, Волх, схватиться с тем, кто тебе ровня?!

Глаза богатыря весело блестят.

— В этот раз ты заплатишься жизнью, выродок! — ревет Волх.

Лицо Алеши на мгновение меняется. На нем проступает тень старой боли. Я перевожу взгляд на Волха и вижу, как он вынимает из-за пояса небольшой кинжал, покрытый искусной резьбой. Я нутром чувствую: это не просто оружие и Волх не преувеличивает, он действительно собирается уничтожить Алешу.

Я не успеваю подумать. Тело действует само. Я не могу допустить, чтобы Алеша пострадал. Он этого не заслуживает.

Я бросаюсь вперед, сокращая расстояние в один прыжок, и мертвой хваткой вцепляюсь в руку Волха.

Волх издает яростный, нечеловеческий рык. В ту же секунду вокруг нас с оглушительным свистом взмывает стена из осенних листьев. Мир закручивается в бешеном темпе, звуки леса тонут в реве ветра, и все — и Волх, и Алеша, и сама земля под ногами — мгновенно исчезает в золотой пу-

стоте.

Мир схлопывается в неистовую воронку из золота и багрянца. На долю секунды я теряю Волха из виду и решаю: все, это конец. Тьма и ветер поглотят меня, не оставив даже праха.

Но в следующий миг меня с силой выбрасывает на твердую землю. Я прокатываюсь кубарем по сухой траве, в волосы набиваются палые листья, а в бок больно впивается какая-то ветка. Дыхание перехватывает, перед глазами плывут цветные пятна.

Где-то совсем рядом раздается рев. Он уже не человеческий — тяжелый, вибрирующий рык дикого зверя. Я переворачиваюсь на спину, судорожно отталкиваясь пятками от земли. Листья вокруг взмывают к небу гигантским столбом, закрывая солнце.

«Сейчас он меня прикончит», — проносится в голове. Я зажмуриваюсь, ожидая удара, но вместо этого слышу жуткий хруст.

Я приоткрываю глаза. Волх меняется прямо на глазах. Огромная фигура разрастается, обрастая густой темной шерстью; он встает на задние лапы — огромный, пугающий медведь. Зверь мечется, словно от невыносимой боли, кружится на месте, разрывая когтями землю, а затем, издав последний надрывный вопль, скрывается в лесной чаще.

И это все? Где же обещанная Ягой жуть? — безмолвно

удивляюсь я.

На примятой траве остается лежать тот самый кинжал.

Я неуверенно поднимаюсь, глядя ушибленный бок. Подхожу ближе. Оружие тускло блестит в сумерках. Я поднимаю его — металл кажется ледяным, а рукоять, покрытая причудливой, пугающей резьбой, странно греет ладонь. Не раздумывая долго, я прячу его за пояс. Если эта штука способна навредить богатырям, то и мне хорошим подспорьем станет.

Стоит мне спрятать кинжал, как за спиной раздается вкрадчивое:

— Обожди, девица!

Я резко оборачиваюсь, сердце готово выпрыгнуть из груди. Сначала я не вижу никого. Только лес и огромный, вызывающе роскошный терем прямо передо мной. Но он кажется мертвым. Окна смотрят слепо, двери закрыты.

— Кто здесь?! — выкрикиваю я в пустоту. Рука сама ложится на рукоять ножа, который дал мне Алеша.

Тишина. Только ветер гонит сухую листву по ступеням крыльца. Решив, что мне почудилось, я разворачиваюсь к лесу. Вывод очевиден: из этого места нужно бежать, и как можно быстрее, пока не вернулся хозяин-медведь.

— Не советовал бы! — раздается за спиной всё тот же сухой, скрипучий голос.

Я оборачиваюсь и наконец-то замечаю его. На нижней ступени сидит крошечный человечек. В своей грубой холщовой одежде он больше похож на старый пыльный мешок, чем на

живое существо.

— В лесу ты одна не выживешь, — говорит он уже тише, буравя меня умными, немигающими глазами.

Я расправляю плечи, собираясь возразить, но тут же вспоминаю недавнего черта. Его визг, когти и то, как легко чаща превращается в смертельную ловушку. Пожалуй, этот странный дед прав. Кем бы он ни был.

Я медленно шагаю к терему, на ходу проверяя, надежно ли спрятан ритуальный кинжал.

— Кто вы? — спрашиваю, останавливаясь в паре шагов. — И чье это жильё?

Старик оглядывается на массивные дубовые двери.

— Пекись вот о хозяйстве, — уклончиво отзывается он.

— Домовой? — я едва сдерживаю изумленный возглас. Хочется присесть на корточки, чтобы получше его рассмотреть, но я вовремя вспоминаю о гордости.

— Древнее это место, — произносит дух. — Ничего дурного тут не сделается путникам вроде тебя.

Я невольно оглядываюсь. В этот момент из чащи доносится леденящий душу волчий вой, и мои ноги уже сами готовы нести меня к свету и теплу. Да и слова домового звучат слишком заманчиво.

— Правда? — с подозрением уточняю я.

Домовой кивает.

— Дом этот стоит здесь с начала времен, и всяк, кто в него входит, защищен божественной волей.

Я аккуратно поднимаюсь по ступенькам, и тяжелая дверь сама собой распахивается передо мной.

«Домовой прав, — повторяю я про себя. — Идти в чашу без проводника вроде Алёши — верное самоубийство. Тем более, как я теперь знаю, в этих лесах далеко не только звери водятся».

Я захожу в сени, и меня тут же обволакивает тепло, смешанное с густым запахом восковых свечей. С мороза начинают пылать щеки.

Шагая вперед, я рассматриваю обстановку, словно экспонаты в музее. Здесь всё величественно и пропитано силой — дикой, воинственной и одновременно древней, как сама земля. На стенах оживают сцены кровавой охоты и богатого урожая, выписанные с пугающей реалистичностью.

Я замираю, замороженная этой первобытной роскошью. И тут за моей спиной с глухим, тяжелым стуком захлопывается дверь.

По коже пробегает мороз. Я резко оборачиваюсь.

— И каждый выполнит свое предназначение, — хищно добавляет домовой, растворяясь в тенях сеней.

— Ах ты, мелкий дрянной!.. — на одном дыхании выдаю я, но поздно: старик исчез, а дверь приросла к косяку намертво. Дергаю ручку — бесполезно.

Прислонившись спиной к дубовому полотну, я медленно сползаю на пол. Под потолком шелестят крыльями невидимые совы, перелетая с балки на балку. Дыхание сбивается. Я

закрываю глаза и как мантру повторяю: «Василиса, ну нельзя же заходить в чужие избушки, когда ты находишься в сказке!»

Поднимаю голову и мысленно одергиваю себя: а в сказке ли я вообще?

И тут взгляд снова цепляется за роспись на стенах: тяжелые медвежьи лапы, налитые колоски... Я медленно поднимаюсь на ноги. Я уже видела этот узор однажды.

— Это дом Волха?! — в ужасе вскрикиваю я.

Дальше следует череда лихорадочных и безуспешных попыток открыть дверь или хотя бы выбить слюдяное оконце. Последнее мне так и не удастся, и тут же приходит понимание: отверстие слишком узкое. Чтобы вылезти наружу, придется высадить всю раму, а уж она-то сделана на совесть.

В этот самый момент мне в спину прилетает что-то твердое.

— Негодница! — раздается возмущенный окрик домового. — Я этот терем стерегу от начала времен! И ни разу, ни разу никто не смел окна бить!

Резко обернувшись, я вижу, что на полу валяется здоровенная деревянная ложка.

— Выпусти меня немедленно! — приказываю я, до боли живо вспоминая, чем именно мне грозит встреча с Хозяином Осени.

— А ну прочь от окна пошла! — не уступает домовый.

И в тот же миг с потолочных балок на меня обрушива-

ется целая стая сов. Воздух вскипает от хлопанья десятков крыльев, перед глазами всё рябит. Острые когти чиркают по одежде, клювы метят в голову.

Закрыв голову руками, я бросаюсь куда глаза глядят — вверх по лестнице. Птичий рой безжалостно гонит меня по ступеням прямо в комнату с гигантской, укрытой мехами кроватью. Скрыться от обезумевших птиц удастся, только с размаху нырнув под нее.

— Будешь тут у меня еще хулиганить, — доносится снизу злорадный голос духа, — и не такое испытаешь! А пока сиди смирно! Долг свой перед Осенью выполнишь, а там, глядишь, и отпустит тебя Хозяин!

У меня леденеют руки. В голове пульсирует жуткое предсказание Яги: меня поглотит Гниль, сжирающая этого хтонического бога изнутри.

Лежа в пыльной темноте, я нащупываю рукоять волшебного клинка в складках одежды. Ну уж нет. Сдаваться без боя я не намерена.

Дверь спальни в этот момент захлопывается с тем же злобным, тяжелым щелчком, что и входная. Ловушка закрылась окончательно.

Я верчу в руках кинжал Волха. Тяжелый, холодный — сейчас он кажется единственным осязаемым шансом на спасение. Я не из тех, кто послушно ложится на жертвенный алтарь, даже если этот алтарь застелен мягкими шкурами.

Бросаюсь к окну и с размаху бью рукоятью в слюдяное оконце. Звонкий удар — тусклая пластина трескается, но на сей раз не поддается. Я бью еще и еще. Последний замах выходит слишком сильным: кинжал выскальзывает из пальцев и проваливается в глубокую щель между бревнами прямо под подоконником.

— Черт! — в сердцах вырывается у меня.

Тянусь за рукоятью, пытаюсь подцепить клинок, и больно режу руку об острые края слюды. С шипением отпрыгиваю, прижимая к груди саднящую ладонь, и торопливо заматываю ее первым попавшимся лоскутом. А потом смотрю вниз: от моих неуклюжих стараний кинжал провалился еще глубже.

— Просто отличный способ применить зачарованное оружие, Василиса! — в отчаянии всплескиваю руками я. — Нет, нет, нет!

Я зажмуриваюсь, наивно надеясь, что клинок как-нибудь сам вернется ко мне. В конце концов, здесь же всё пронизано магией!

— Мне так нужна помощь... — шепчу я в пустоту.

И в этот самый миг по ту сторону треснувшего окна садится птица. Сперва я испуганно отшатываюсь, памятуя о безумных совах, но быстро понимаю — эта другая.

На подоконнике сидит настоящий сокол. На его лапке тихо позвякивают крошечные бубенцы. Птица смотрит на меня очень внимательно. Я бы даже сказала, слишком умно для пернатого.

«Оборотень?» — мелькает шальная мысль. В этом мире есть Алёша Попович, черти и умертвия. Кажется, я готова к встрече с еще одним видом волшебных существ.

— Ты... прилетел спасти меня? — одними губами спрашиваю я сквозь слюду.

Птица склоняет голову, и это выглядит как совершенно осмысленное «да».

— Кто ты?

Сокол лишь переступает когтистыми лапами и молчит. Значит, всё же не оборотень.

— Чей ты? — вдруг догадываюсь я, вспомнив про гусей-лебедей Бабы-Яги. Кажется, ручные птицы-посланники здесь — вполне популярная альтернатива сотовой связи. — Ты от... друга?

Я, затаив дыхание, жду ответа. Сокол снова склоняет голову набок, а затем приподнимает лапку с бубенцами и вытягивает ее ко мне. Это более чем ясный жест: «передай послание».

Лихорадочно оглядываю спальню — и не нахожу абсолютно ничего, на чем можно было бы писать. Вот черт! Уроки истории не ввали: в Тридевятом царстве бумага и чернила — непозволительная роскошь. И я прихожу к невеселому выводу, что писать мне банально не на чем. Да и нечем.

Я отрываю лоскут от занавески с вышитой медвежьей лапой и протягиваю птице. Сокол цепко хватает ткань когтями и бесшумно взмывает в небо. Я смотрю ему вслед, отчаянно

надеясь, что посланник действительно от друга.

Хотя я уже толком ни в чем не уверена. Может, стоило всё-таки заключить договор с чертом?

Закатные лучи ложатся на землю кровавым золотом, а затем лес вокруг терема неумолимо тонет во мраке, превращаясь в жуткое зачарованное царство. То тут, то там среди деревьев вспыхивают блуждающие огоньки, скользят неестественно длинные силуэты. Я отшатываюсь от окна, предпочитая не смотреть в темноту, чтобы не пугать себя еще сильнее.

Дом окончательно погружается во тьму, наполненную гнетущей тишиной да странными скребущимися звуками — остается лишь молиться, чтобы это были совы. Из разбитой слюды тянет ледяным сквозняком. Дрожа от холода, я перебираюсь на огромную хозяйскую постель, зарываюсь в тяжелые шкуры и с тоской думаю: надо было всё-таки призывать свою силу!

Будит меня оглушительный медвежий рев. Сперва кажется, что это морок, дурной сон, но, прислушавшись, я с ужасом вспоминаю, в чьей спальне нахожусь. Хозяин Осени. Медведь-оборотень.

От одной этой мысли меня буквально подбрасывает на кровати.

Я подлетаю к окну и вижу в предрассветных сумерках абсолютно голого мужчину. Сомнений нет — это Волх. Он тя-

желю накидывает на плечи гигантскую медвежью шкуру. Он с трудом встает на ноги — еще пару мгновений назад он был зверем, — отряхивает руки и делает несколько грузных шагов к терему. Я понимаю: вот она, моя судьба. Если я сейчас ничего не сделаю, то позавидую мертвецам.

Надо спастись! Я отчаянно тянусь в щель за застрявшим кинжалом, но лишь снова до крови царапаю пальцы. Бесполезно.

Тем временем на ступенях крыльца вновь возникает домовой. Я уже успела всей душой возненавидеть этого старика, но от его следующих слов меня пробирает ледяной озноб.

— Твое подношение ждет тебя, Хозяин!

Краска стыда и ярости бросается в лицо. Никакое я не подношение!

— Оставь... — хрипло, измученно выдыхает Волх. — Я всю ночь по лесам...

Домовой в этот миг испуганно ахает:

— Это разболелась рана?..

Волх бросает хмурый взгляд на свое плечо, и только сейчас я замечаю глубоко и грубо разорванную плоть. Вспоминаются недавние слова Алёши: это след давней битвы с Чернобогом.

— Она... как будто стала лучше, — потрясенно бормочет дух.

Волх выпрямляется и, всё еще зажимая плечо здоровой рукой, решительно входит в дом. Я слышу его тяжелые шаги.

В сенях. На деревянной лестнице. Перед самой дверью...

Сердце бьется так истошно, что, кажется, сейчас проломит ребра. Времени на раздумья не остается, и я выбираю единственный приемлемый для себя вариант.

Дверь с треском распахивается настежь.

Я выставляю перед собой подаренный Алёшей охотничий нож.

— Только попробуй меня коснуться!

Волх замирает на пороге, в замешательстве глядя на мое оружие. Я и сама прекрасно понимаю, что по меркам полубога угрожаю ему зубочисткой.

— Пошел отсюда! — изо всех сил стараюсь казаться грозной, рывкаю я.

— Как это тебе удалось? — его голос — бархатный, глубокий, похожий на раскаты далекого грома. И меня снова, помимо воли, пробирает от него до самых костей.

— Что? — руки предательски подрагивают. Кажется, нам обоим в этой комнате совершенно очевидно, что боец из меня никакой.

— Сначала ты вызвала тени. — Волх делает медленный шаг вперед, не сводя с меня тяжелого взгляда. — Потом... заставила меня ощутить такую боль, какой я не чувствовал много сотен лет. Никто не мог на меня повлиять, ведьма...

Ну вот, опять!

— Кто ты? — требует он.

— Тебя это не касается! — огрызаюсь я.

Мы оба замолкаем. Тишина в спальне становится звенящей; слышно лишь, как снаружи шелестят деревья и щебечут утренние птицы. Я некстати вспоминаю, что разбила в доме Хозяина окно, но, судя по всему, сейчас это меньшее из моих прегрешений.

Волх делает еще один шаг и заявляет то, от чего меня словно окатывают ушатом ледяной воды:

— Я хочу соединиться с тобой.

— То есть?! — давлюсь воздухом я.

— Я должен лечь с тобой и дать тебе свое семя, чтобы Осень плодоносила.

— Это так ты зовешь девушку в постель?

Волх несколько бесконечно долгих мгновений смотрит на меня сверху вниз, а затем чеканит:

— Я никого не зову. Я приказываю.

Глава 7. Бесчувственный

Волх неумолимо надвигается на меня — как злой рок, как скала. От ужаса я стараюсь не опускать взгляд ниже его пояса, но уже успеваю оценить сильные, покрытые замысловатой вязью татуировок руки, крепкий пресс и перекатывающиеся под кожей литые мускулы груди.

В каждом его шаге — текучая грация дикого хищника.

Я, может быть, и восхитилась бы таким мужчиной, если бы не жуткая ситуация.

— Нет!

Он играючи, одним неуловимым движением выбивает нож из моей руки, и я с леденящим ужасом понимаю, что совершенно перед ним беззащитна.

А затем радужки его глаз начинают приглушенно светиться потусторонним светом.

— Я должен чувствовать твоё желание, — глухо рычит Волх.

Я вдруг осознаю, что его нечеловеческий взгляд меня зачаровывает. Магия скручивает волю, и я, к собственному ужасу, правда начинаю тянуться к этому странному, дикому хозяину леса.

— И ты захочешь меня, — властно шепчет он.

Но следом на меня обрушивается отрезвляющая мысль:

а после этого, по словам Яги, он превратит меня во что-то чудовищное. Гниль поглотит меня без остатка.

Внутри поднимается даже не волна протеста. Во мне разворачивается нечто иное — глубокое, древнее, первобытное. То самое, чье проявление я отчаянно давила в себе с самого детства. Давила каждый раз, когда мне вслед злобно шипели: «Ведьма!», лишь бы и правда ненароком никого не проклясть.

Но сейчас мне совершенно не жалко того, кто решил сломать мою волю и взять меня силой.

Я выпускаю эту силу наружу.

Волх резко отшатывается и сгибается пополам, издав сдавленный, болезненный скулеж.

А я с шумом перевожу дыхание, чувствуя себя абсолютно опустошенной. То, что я держала в себе годами, ради чего строила барьеры и притворялась обычной, нашло-таки путь на свободу. И выжгло меня изнутри.

От невыносимой усталости глаза закрываются сами собой, колени подкашиваются, и я без чувств заваливаюсь назад, на мягкие шкуры.

Сквозь забытие пробивается божественный запах меда и спелых яблок. Я приоткрываю глаза и понимаю, что не чувствую в себе *ничего* — сила ушла, выгорела дотла. Внутри образовалась звенящая пустота, словно из меня вырвали огромный кусок.

Я резко сажусь и, ведомая диким, звериным голодом, впи-
ваюсь зубами в сочное яблоко, лежащее на деревянном блю-
де у кровати. И только проглотив первый кусок, вспоминаю
золотое правило: в мире сказок любая еда может оказать-
ся отравленной. Надкушенный плод выпадает из ослабевших
пальцев и с глухим стуком катится по половицам.

Следом приходит куда более пугающая мысль: раз магия
иссякла, я абсолютно беззащитна. Не лучше ли попытаться
сбежать прямо сейчас, пока Хозяина нет рядом, чем снова
рисковать оказаться под его гипнозом? Осторожно, на цы-
почках, я выбираюсь из спальни. Единственный путь на сво-
боду — вниз по лестнице.

Но, не дойдя до середины пролета, я слышу раскатистый
баритон Волха. Сердце ухает в пятки. Я замираю, а затем
поспешно вжимаюсь в спасительную тень под ступенями.

— Проклятая волшба Яровита! — доносится снизу.

Я хмурюсь. Имя кажется смутно знакомым, но я никак не
могу вспомнить, где его слышала. Яровит...

— Весна же никого отродясь не проклинал, — упрямо
бубнит домовой.

Кусочки пазла со щелчком встают на место. Вот почему
местные упоминали это имя! Яровит — бог Весны!

— Кроме меня! — в ярости ревет Волх. — Как я должен
справить свой долг, если он, как и обещал, подсунул мне де-
вицу, на которую мои чары не действуют?!

Слышно, как Хозяин Осени тяжело, со скрипом опуска-

ется на дубовую скамью.

— Хозяин, — осторожно продолжает дух, — ты ведь раньше ни на кого не злился...

— погоди! — резко обрывает его Волх. — Она тут!

Я даже моргнуть не успеваю, как Хозяин Осени материализуется прямо передо мной. Он хищно щурится, вглядываясь в темноту под лестницей, как зверь, загнавший добычу в нору. Слава богу, на сей раз он одет — в простую холщовую рубаху и порты.

— Я думала, ты предпочитаешь щеголять в звериной шкуре, — нервно вырывается у меня.

— В ней в доме неудобно, — сухо отрезает Волх и выжидающе протягивает ко мне огромную ладонь. — Вылезай. Ритуал завершить должно.

Вместо того чтобы выйти, я усаживаюсь прямо на пыльный пол, скрещиваю руки на груди и упрямо заявляю:

— Я не хочу.

— Но я чувствовал твоё желание! — Волх раздраженно подается вперед. — Тогда, у дуба!

Перед внутренним взором предательски вспыхивает воспоминание. Да, тогда он и правда показался мне невероятно притягательным, властным, первобытно-красивым. Но я же не знала, что за этой внешностью скрывается абсолютно бесчувственная машина для жертвоприношений.

— А теперь уже не хочу, — твердо говорю я.

Выражение лица Волха трудно описать. Кажется, он глу-

боко поражен. Для бога природы отказ — это нонсенс.

— Но Осень! — возмущенно выдает он, и прямо в воздухе вокруг него начинают кружить сухие рыжие листья. Выглядит это чертовски красиво и жутко одновременно. — Осень не принесет плодов! Живые твари с голоду страдать будут! Боги разъярятся!

— Может, попробуешь найти другую... жертву? — осторожно предлагаю я, вжимаясь спиной в стену. — Я некрасивая. И вообще ведьма.

— Я выбрал тебя, — безапелляционно заявляет Волх.

Ну да. Что такому бесчувственному полубогу какие-то человеческие стандарты красоты?

Хозяин Осени грузно опускается на корточки прямо напротив меня. Я смотрю в его янтарные, слегка светящиеся во тьме глаза — такие завораживающие, но принадлежащие такому холодному существу. Я гадаю, почему он снова не применит свои чары. Я вижу, как тяжело вздымается его широкая грудь, на суровом лице отчетливо читается внутренняя борьба.

— За что Весна проклял тебя? — спрашиваю я, просто чтобы разрядить звенящую паузу.

Волх недовольно хмурится.

— Если бы Зима не пожелал жениться... — глухо роняет он. — Чернобогу невеста Морендара полюбилась. Не было бы этой девки, Чернобог не проник бы в наш мир. В последний день осени я пообещал ему кару за это.

— Чернобогу? — не понимаю я.

— Зиме, — чеканит Волх.

Я замолкаю, переваривая услышанное. Неужели он сам не понимает, как жестоко его «правосудие»? Кажется, я начинаю осознать гениальный замысел Яровита: чтобы спасти одного брата от гнева другого, бог Весны проклял бесстрастного судью Осени... заставив его *чувствовать*.

В подтверждение моих мыслей Волх вдруг начинает беспокойно ерзать. Я вопросительно смотрю на него. Он раздраженно поднимается во весь свой огромный рост и выдает:

— Холодно на полу. И жестко!

Кровь отливает от моих щек. Я права! Хтонический бог жалуется на сквозняк и жесткие доски! Он стремительно теряет свою божественную беспристрастность. Но чем это обернется для меня?

— Чего тебе надо, чтобы ты меня захотела? — вдруг отчаянно рычит Волх, и этот первобытный рык буквально пригвождает меня к полу.

Я нервно сглатываю. Если я и просила мироздание послать мне того, кто оценит мою силу, я явно не просила Яровита подкидывать мне такие изощренные испытания!

— Ты... ты хотя бы умеешь улыбаться? — осторожно спрашиваю я из-под лестницы.

Волх напрягает лицевые мышцы и изображает оскал — нечто по-настоящему страшное, неестественное и уродливое.

— Так?

Я с содроганием качаю головой: нет, лучше не надо.

— Чего тебе надо? Всё дам! — искренне, почти по-человечески обещает Хозяин Осени.

Мозг лихорадочно ищет пути к отступлению. И тогда я брякаю первое, что приходит в голову:

— Помыться хочу.

В эту секунду мысль кажется идеальной. Бани на Руси всегда строили отдельно от терема. Не пойдет же этот могучий полубог сторожить меня прямо в парилке?

Я осторожно крадусь вдоль бревенчатой стены, пока Волх басисто приказывает натопить баньку для «своей невесты». Из его уст это звучит жутко и дико.

Только сейчас я в полной мере осознаю, что план побега включает путь через лес, кишасий нечистью. Мысль сбежать прямо сейчас резко перестает казаться такой уж привлекательной — достаточно вспомнить умертвий.

Мне срочно нужно оружие. Хоть какое-нибудь! Зачарованный кинжал Волха остался торчать в щели под окном, но тут мой взгляд падает на массивные двойные двери в конце коридора, украшенные искусной резьбой в виде скрещенных копий. Будь я не я, если это не оружейная!

Краем глаза фиксирую в окно: Волх вышел во двор, чтобы лично проконтролировать растопку бани. Если он с таким же рвением собирается наблюдать за моим мытьем, то сейчас у

меня, получается, единственный шанс вооружиться.

Я бросаюсь к двери и дергаю ручку, но та и не думает поддаваться. Бросаю дорожную сумку на пол — я соврала Волху, что в ней чистая перемена белья, — и налегаю всем телом на глухие створки. Ладони начинает покалывать, руки гудят, распознавая чуждую, кусачую магию. Я уже готова сдаться и отступить, как вдруг моя собственная, только-только проснувшаяся сила отзывается на преграду. Створка с тяжелым скрипом проваливается внутрь.

За дверью оказывается не просто кладовая. Это настоящий зал для пиров.

Высокий потолок подпирают толстые опорные столбы. От пола до самого верха они покрыты искусной резьбой: переплетающиеся дубовые ветви, скалящиеся волки и, конечно же, медведи. В центре зала высится колоссальный каменный очаг, выложенный потемневшими от времени изразцами. В нем прямо сейчас тлеют целые бревна, наполняя воздух густым, терпким запахом древесной смолы и сухих осенних трав.

Вдоль стен тянутся длинные дубовые столы и широкие лавки, щедро застеленные волчьими шкурами.

Очарованная, я делаю несколько осторожных шагов вперед. Здесь царит полумрак — свет с трудом пробивается сквозь узкие окна со слюдой, — но даже в этом тусклом свете на стенах что-то зловеще поблескивает.

Я подхожу ближе к стене и благоговейно замираю.

Между окнами развешано оружие размеров. Я смотрю на красный каплевидный щит. Рядом висит кольчуга. На вбитых дубовых колышках покоятся меч и луки.

Мой взгляд скользит выше: под потолком по гладкому дереву пущена красная и золотая роспись.

Там изображены сцены битв. Исполинские люди на этих фресках голыми руками рвут пасти мифическим чудовищам, играючи швыряют каменные глыбы и скачут на конях, похожих на драконов. А во главе этого войска всегда идет огромный, свирепый медведь. Или человек, оборачивающийся соколом.

Осознание бьет как током. Это зал древнейшей, самой первой богатырской дружины, которая когда-то ходила в бой за своим предводителем-оборотнем. От этого открытия захватывает дух, но я жестко приказываю себе не засматриваться.

Рука подрагивает, когда я тянусь к одному из самых маленьких на вид клинков. Как, интересно, я собираюсь вынести эту штуку, не привлекая внимания? Но мне так отчаянно хочется коснуться настоящего богатырского оружия, почувствовать его тяжесть в ладони...

В этот миг за спиной раздается раскатистый голос, от которого я едва не подпрыгиваю на месте.

— Не тронь!

Это Волх. Всё такой же спокойный и беспристрастный? А вот и нет. Я резко оборачиваюсь и вижу, что в его глазах

полыхает нехороший огонек.

— Разве оно не заржавеет, если будет просто висеть здесь? — выдаю я, лихорадочно пытаюсь найти невинное объяснение своему вторжению. Но Волха мой ответ явно злит.

— Гридница запечатана навек! — с надрывом выдыхает полубог. В его голосе звучит застарелая боль, и это выглядит слишком уж по-человечески для бесчувственного судьи природы. — Здесь никого и никогда больше не будет! Вон!

Я поспешно пожимаю плечами, подхватываю сумку и плечусь к выходу. Спорить сейчас бессмысленно — я собираюсь буквально и предельно быстро исполнить его приказание.

Убедившись в том, что Волх вновь запечатывает гридницу, я бросаюсь в лес. Но тот будто издевается надо мной. Куда бы я ни бежала, как бы ни петляла среди сосен, ноги каждый раз выносят меня к одному и тому же месту — к крепкому срубу бани, от которого тянет легким дымком.

Я пробую еще раз, сворачиваю в самую чащу и вдруг замечаю на пне странную фигуру. Похож на старую корягу, обросшую мхом, но он сидит и... смеется. Беззвучно, сотрясаясь всем телом. Леший.

— Сговорились, значит, — шиплю я сквозь зубы, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы ярости.

Я решаю, что в баню меня не затащат, по крайней мере — пока. Рядом со срубом лежит старая поваленная береза, и я опускаюсь на ее белесый ствол. Дышу глубоко, стараясь

унять дрожь в руках, и невольно замираю.

Здесь... красиво. Так красиво, что на мгновение я забываю о Волхе, ритуале и своей участи. Прямо передо мной раскинулось озеро — зеркальная гладь, в которую смотрятся плакучие березы. Воздух густой, напоенный прощальным теплом солнца и терпким ароматом подсохших трав. Ветер едва касается ветвей, и они отзываются тихим, умиротворяющим шелестом.

Весь мир вокруг — это всполохи осени: карминовый красный, ослепительный желтый, глубокий оранжевый. Я смотрю на закат, догорающий над горизонтом, и ловлю себя на предательской мысли: в этом месте по-настоящему хорошо.

Становится серо, неуютно, и вдруг из бани доносятся странные звуки — какое-то копошение и приглушенный свист. Из чащи в этот миг раздается протяжный, леденящий душу волчий вой.

Я резко вскакиваю. Между деревьями, в сгустившихся сумерках, мелькают темные силуэты. Раз, два, пять... Голодные глаза вспыхивают желтыми искрами. Они заходят полукругом, отрезая путь к терему. Еще мгновение — и они бросатся.

Вот сейчас как раз мне не помешал бы меч! Я кидаюсь к бане, рывком распахиваю тяжелую дверь. На меня обрушивается плотное облако пара, я едва не задыхаюсь, но тут же захлопываю створку за собой и прижимаюсь к ней спиной, слыша, как снаружи когти скребут по дереву.

Внутри темно. Только в печи едва теплятся угли, отбрасывая на стены багровые блики. Тишина кажется подозрительной, живой, будто сам воздух затаил дыхание. Я замираю, нутром чуя: здесь скрывается что-то гораздо хуже волков.

Из клубов пара начинают проступать они. Кривые, мерзкие рожи. Черти. Короткая жесткая шерсть, острые уши, закрученные хвосты и глаза, светящиеся, как раскаленные угли.

Увидев меня, они взрываются визгом и хохотом. Кто-то из них плескает в мою сторону из шайки — кипяток обжигает кожу, и я вскрикиваю. Роковая ошибка. Я сотворила глупость, прыгнув из огня да в полымя. Кидаюсь к двери, дергаю ручку — заперто. Намертво.

Ужас накрывает с головой. Я пытаюсь призвать свою магию, но ничего, совершенно ничего не происходит! То ли я истратила слишком много сил за день, то ли я слишком испугана.

Черти обступают меня, их когтистые лапы хватают за рубаху, они скачут вокруг, дыша в лицо смрадом и серой. Все ходит ходуном, стены бани будто плаваются и сжимаются. Горло сдавливает удушье, в глазах темнеет, и я начинаю оседать на пол, теряя сознание от жара и страха.

Вдруг дверь за моей спиной распаивается с грохотом. В душный морок врывается свежий, ледяной ветер. Я из последних сил оборачиваюсь и вижу на пороге огромную, властную фигуру. Волх.

— Я же говорил! — его рык подобен удару грома. — Чтобы этой нечисти и близко у моего терема не было!

Мощный поток ветра, повинуясь его жесту, влетает в баню, буквально выметая чертей. Они с визгом вылетают в крошечное окошко, кто-то пулей уносится в трубу. В углу я замечаю крошечную лохматую фигурку, облепленную березовыми листьями — банник, дрожа, вжимается в щель.

— Совсем тебе топить запрещу, старый! — бросает ему Волх.

В следующую секунду он хватает меня за шкурку, как нашкодившего котенка, и одним рывком ставит на ноги. Голова кружится, я все еще не могу отдышаться.

— Н-не трогай... — мычу я, пытаюсь оттолкнуть его, но руки не слушаются, и я лишь жалко машу ими в воздухе.

Волх коротко выдыхает, и в следующее мгновение мир переворачивается. Он просто забрасывает меня на плечо, как мешок с мукой. Я барабаню кулаками по его спине, которая кажется каменной, брыкаюсь, но все бесполезно. Он даже не замедляет шаг.

Сердце колотится где-то под самым горлом. Неужели все? Неужели он несет меня в терем, чтобы закончить обряд прямо сейчас, пока я беспомощна?

Но Волх выносит меня к берегу озера. Он осторожно опускает меня на траву и встает рядом, скрестив руки на широкой груди.

— Умойся, — говорит он.

Я оглядываюсь, думая о том, что он мог бы попросту сбросить меня в воду. Неужели вспомнил как это... холодно и мокро?

Я наклоняюсь над темной гладью воды и осторожно обмываю лицо. Луна сегодня такая яркая, что в озере можно разглядеть свое отражение. Линии кажутся мягче, кожа — чище... Я замираю, вглядываясь в рябь, но темнота и блики не дают рассмотреть детали.

В этот миг рядом со мной почти бесшумно опускается Волх.

Его тело кажется огромным, но от Хозяина Осени неожиданно приятно пахнет: это густая смесь медовых ароматов последних цветов и терпкого запаха урожая. Ветер перебирает его волосы. Я бы, наверное, даже залюбовалась им, если бы... Волх вдруг не начал принюхиваться.

— Что ты делаешь? — отшатываюсь я.

Оборотень смотрит мне прямо в глаза и заявляет:

— Я не позволю тебе убить себя.

— Да я и не собиралась! — к горлу подступает возмущение.

Он хмыкает — по-плутовски и... до странного очаровательно.

— Зачем ты меня нюхал? — спрашиваю я, упорно пялясь на гладь озера, только бы не смотреть на полубога и не думать о нем ничего лишнего.

— Твой запах... — произносит Волх рычащим басом, от которого меня пробирает до самого нутра, — заставляет мою плоть крепчать.

Я давлюсь воздухом.

— Что?!

Это возмутительное признание заставляет меня вскочить на ноги.

— Ты что сейчас сказал?!

Волх смотрит на меня так, будто не видит в своих словах совершенно ничего противоестественного.

— Раньше для этого мне нужно было начать ритуал.

— П-поздравляю, — нервно парирую я. — Некоторые мужчины из-за этого очень переживают.

Волх одаривает меня улыбкой, от которой становится жарко. Он дикий, невоспитанный и... удивительно соблазнительный в этой своей первобытной жути.

— Некоторые мужчины — не я.

«Да уж».

— Я получу тебя, — уверенно добавляет он.

— Если будешь разговаривать со мной про плоть, то едва ли... — выдыхаю я.

Хозяин Осени снова выглядит озадаченным. Он плавно поднимается во весь свой пугающий рост.

— Я веками принимал подношения. И ни одна еще не упрячилась.

— Другие женщины — не я, — возвращаю я ему его же

слова и, развернувшись, нетвердым шагом направляюсь к терему.

— Но осень и ее дары! — почти обиженно несется мне вслед.

«Вот же чурбан!» — злюсь я про себя. Значит, он думает, что мне надо просто положить себя на алтарь, а что там дальше — неважно. С наступлением зимы он снова перестанет хоть что-то чувствовать, а с чем останусь я? С памятью о весьма странном приключении? Если, конечно, Гниль Осени не сожрет меня раньше.

Глава 8. Проклятые

Тягучая, иссиня-черная жижа медленно смыкается над сапогами. Алеша чувствует, как трясина с чавкающим звуком затягивает его все глубже, словно у этого болота есть воля и голодный желудок. Он застрял в самом сердце бесовского гнезда. Хозяин этого места, мерзкий черт, давно скрылся в тумане, но его чары никуда не делись. Они пропитали каждое поваленное дерево, каждый пучок седого мха, и именно они, нашептывая ложные тропы, завели богатыря в эту гибельную ловушку.

Алеша справился бы. Он выпутывался и из более страшных передряг, если бы не Волх и его черное слово. С того самого дня, как Хозяин Осени изгнал его с побратимами, удача отвернулась от богатырей. Катастрофическое, нелепое невезение преследует их по пятам.

«Больше не совершите ни подвига», — прозвучало тогда как приговор, и слово это стало правдой.

Алеша-то грешным делом подумал, что Яга смогла отвести беду, когда повесила ему на шею амулет. Ведь выследил же он навь, ведь отбил ее легко, играючи, как в прежние золотые времена! Но теперь, когда ледяная жижа доходит уже до пояса, он с пугающей ясностью понимает: дело было во все не в амулете.

Алеша не боится смерти — он видел ее лицо слишком часто, — но его жжет мысль о братьях и о людях, что остались без защиты. По глупости, по собственной горячности влез в эту петлю! Нужно было бить Волха в честном бою, а не язвить да передразнивать лесного бога. Единственный шанс разорвать путы невезения — отобрать тот ритуальный кинжал, которым Волх скрепил клятву и снести толковому чародею. Но кинжал далеко, а трясина — вот она, обнимает за ребра.

Кочки уходят из-под ног одна за другой. Сверху с сухим треском валятся подгнившие ветки, а вековые стволы деревьев кренятся, будто желая похоронить его под собой.

Алеша делает рывок. Он вонзает пальцы в склизкий корень поваленной осины, напрягает плечи так, что жилы на шее вздуваются, и рычит, выплевывая болотную тину:

— Ну нет... я не дамся живым!

В этот момент над головой раздается резкий, пронзительный клекот.

Усилие, казавшееся безнадежным, вдруг венчается успехом. Алеша рывком выбрасывает тело на твердую кочку. Он замирает, тяжело дыша и не спуская глаз с колдовских огоньков — синеватые искры мерцают по краям болота, предупреждая: тишина здесь обманчива.

Богатырь поднимается, отряхивая грязь. Его колотит озноб. От промокшей насквозь одежды в холодном воздухе поднимается густой пар, отчетливо видный в резких лучах

луны. Но, несмотря на холод, Алеша вскидывает руку и искренне, широко улыбается.

Крупный сокол падает с ночного неба прямо ему на предплечье. Птица стискивает когти; Алеша морщится от боли, но не убирает руки.

— Яр! Вернулся! — голос его хриплый. — Ну ты нашел ее?

Сокол не отвечает. Вместо этого он разжимает лапу, и выпускает отрез ткани, на котором кровью написано: “Я в тереме у Волха. Найди и спаси меня”. В груди становится горячо. Это от Василисы.

Осознание прошивает его насквозь. Он еще не до конца верит в это чудо, но понимает главное: его внезапная удачливость в лесу, его сила и этот чудесный побег из трясины — все зависело от колдовства Яги. Она приказала ему хранить эту женщину, поэтому Алеша и послал к ней сокола Добрыни, который в свою очередь разыскал его во время битвы с навью.

— Дорогу покажешь? — спрашивает он сокола, и в его голосе больше нет тени сомнения. Только стальная решимость.

Птица расправляет мощные крылья, готовясь к полету.

— Веди! — приказывает Алеша, хватаясь за рукоять меча.

Глухая ночь обступает прогалину плотной стеной. Сокол, нахохлившись, дремлет на кривой ветке ольхи. Алеша тяжело дышит, его фигуру, испачканную болотной жижей, видно

издалека. Там, позади, в тумане все еще мерцают неверные синие огоньки, но нежить больше не решается приблизиться. Кое-кто из болотных тварей уже отведал вкус его стали, и теперь всему чертову гнезду ясно: раз козни и трясина не смогли погубить богатыря, в открытый бой с ним лучше не вступать.

Алеша разводит костер. Пламя жадно вгрызается в сушняк, разбрасывая искры. Богатырь снимает промокшую, тяжелую одежду и развешивает ее на рогатинах у огня. Холод пробирает до самых костей, кожа покрывается мурашками, а зубы начинают невольно выбивать дробь.

Из темноты, тихо всхрапывая, выходит его верный конь. Могучий, рыжий, с густой гривой цвета спелой пшеницы, он кажется единственным живым и надежным существом в этом проклятом лесу. Конь тоже пообещался вовек служить своему хозяину и теперь к нему привязан. Тот покорно ложится на сухую траву, и Алеша с благодарностью приваливается к его теплоте, пахнущему домом боку.

Мешок с вещами, к счастью, не утоп. Алеша вытягивает его к огню. Вещи внутри перепачканы тиной, но уцелели. Он вынимает их одну за другой, раскладывая на траве: запасную чистую рубаху, моток крепкой бечевы, смену онучей, костяной гребень и небольшой заветный сверток с сухарями.

Наверху, в кронах, гулко ухает сова. Желудок сводит спазмом от голода — своего лука Алеша в этом приключении лишился. «Ничего, — мрачно думает он, — завтра поставлю

силки на дичь, лес прокормит».

Ветер треплет развешанную одежду, тени от пламени пляшут на его лице, делая черты резкими. Рука нашаривает в мешке холодный металл. Наконечник копья.

Алеша вынимает его и сжимает пальцы так, что белеют костяшки. В голове, перекрывая треск костра, звучат слова Яги. Тот самый разговор в избушке, когда она вложила ему в руки эту ношу.

— Вот это — оружие Чернобога, — прохрипела она тогда.

— Почему же я его должен носить? — Алеша тогда лишь усмехнулся в свойственной ему манере.

— Ах ты, твердолобый! — ярилась Яга. — Только такой, как ты, не сойдет с ума, таская такую ношу.

Алеша тогда почувствовал, как веселая улыбка сходит с его губ. Яга отвернулась к печи:

— Если поймешь, что совсем разум покинул Волха, ответишь ему его же оружием.

— Чтобы что? — голос Алеши звенит.

Яга медленно повернулась, глаза ее блеснули:

— Чтобы не прорвалось в мир Лихо! Это же твоя прямая обязанность.

Алеша сжимает наконечник копья.

— Волх и его рана — ворота для зла, — продолжала Яга.

— Ну а что дальше? — спросил ее Алеша.

— Займешь его место. По праву старшинства.

Алеша выныривает из воспоминаний. Наконечник копья

холодит руку, от него словно идет какая-то потусторонняя, могильная прохлада. Алеша продолжает смотреть перед собой на всполохи огня, задавая себе вопрос: почему он не попытался уничтожить Волха сразу? Надеялся на его благоразумие?

Губы Алеши кривятся: хуже, он не хотел стать таким же бесчувственным, как Волх. Хотел по-прежнему радоваться рассветам, слушать трели птиц и вдыхать пряный воздух. Хотел быть человеком.

Он снова сжимает наконечник копья. Теперь нет места для размышлений. Яга сказала, что он займет место Волха по старшинству — и это значит, что остальных богатырей уже нет, ведь Алеша среди них почти что самый младший.

Он поднимает голову, смотрит на сокола Добрыни и проносит почти одними губами:

— Мне жаль.

Мы с Волхом идем обратно к терему. Рядом с ним я чувствую себя как за каменной стеной — он дикий, огромный, но удивительно надежный. С ним не страшно, и все пугающие лесные шорохи и шепотки тут же отступают на задний план, становясь просто красивой декорацией.

А еще от него невозможно вкусно пахнет. Урожаем, медом и прелой листвой.

— Как соблазнить человеческую женщину? — неожиданно нарушает тишину Волх, и я едва не спотыкаюсь.

Вот так всегда. Стоит только расслабиться рядом с ним...

— Понял, что одно только мытье не помогает? — усмехаясь я, задирая голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

И внезапно замираю: в полумраке они сияют удивительно мягко и нежно.

— Ты обманула меня, ведьма, — уголки его губ чуть дрогнули. Он улыбается! Похоже, ему действительно смешно. Это настолько непривычно, что я на мгновение теряю дар речи.

Мы добираемся до ступеней крыльца, и я поспешно взлетаю наверх, не желая выслушивать от Хозяина Осени что-то не менее первобытное и откровенное, чем то, что я уже слышала.

Волх провожает меня долгим взглядом, а затем заходит следом.

Я задерживаю взгляд на тяжелых дверях гридницы — единственном месте в тереме, которое заставило его напрычаться, — и понимаю, что Волх ведь давным-давно тоже был почти человеком. Понравился бы он мне тогда?

— Из-за них ты перестал чувствовать? — тихо произношу я, кивнув на двери.

Волх хмурится и глухо сбрасывает медвежью шкуру на лавку в сенях.

— Нет, — говорит он, выпрямляясь. — Я сходил с ума от боли, когда вернулся из последней сечи. Боги пообещали, что боль пройдет, как только я соберу новую рать. Но она

прошла раньше. Выгорела вместе с остальными чувствами. А я стал забирать время у тех, кто недостойно его тратит.

Он проходит мимо, обдав меня прохладным запахом осеннего ветра, снимает со стены одно из копий и направляется к выходу.

Прежде чем открыть дверь, он оглядывается через плечо и бросает:

— Постарайся не умереть, пока я буду в дозоре.

Я фыркаю, скрещивая руки на груди. Это старинное чудовище сейчас так шутит, надо полагать?

В спальне меня уже дожидается деревянная лохань с теплой водой. Я несколько мгновений недоверчиво смотрю на нее, а затем вспоминаю, что в этом доме вообще-то хозяйничает домовой.

— Забыла сказать: соблазнять человеческих женщин лучше всего завтраком в постель! — кричу я в пустоту, надеясь, что сообщение дойдет до нужных ушей. Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было.

— Мойся давай, — на лавке из воздуха материализуется мерзкий старичок.

— Я тебя еще не простила, — бурчу я, скрестив руки на груди.

— Подумаешь! Ты здесь лишь одна из многих, — отмахивается домовой. — Вот еще, прощения у тебя просить!

С этими словами он растворяется в тенях.

В этот момент за окном раздается глухой стук копыт. Я

подбегаю к слюдяному окошку и вижу, как Волх выезжает со двора в окружении своих жутких безмолвных всадников. Так вот что он имел в виду под словом «дозор»! Ну, по крайней мере, я точно уверена, что не умру, пока его нет дома.

— Хозяин Лихо пошел приструнить! — доносится из темного угла скрипучий голос домового. — А то совсем расползлось в лесах!

Утром завтрак так и не появляется. Глупо было надеяться, что древнего полубога волнует что-то, кроме его внезапно проснувшихся первобытных инстинктов.

Я тоскливо одеваюсь, чувствуя, как желудок сводит болезненной судорогой от голода. Бросаю взгляд на остывшую воду в тазу. Вчера на озере мне не почудилось: глядя в водяное зеркало, я понимаю, что стала объективно красивей. Черты лица смягчились, кожа словно светится изнутри. И от этого, пока я заплетаю косу, перехватывает дух — но не от радости, а от жуткого дискомфорта.

Что вообще происходит? Это чары Волха? Или само Тридевятое царство так на меня действует? Никогда бы не подумала, что терять свою привычную, пусть и неидеальную внешность, окажется так пугающе. Будто теряешь саму себя.

Аккуратно спускаюсь вниз. В тереме стоит вязкая, густая тишина. Под потолком совы лениво перелетают с балки на балку — ловлю себя на мысли, что уже начинаю привыкать к этому странному соседству. Немного поплутав по кори-

дорам, нахожу просторную комнату с каменными сводами, огромной русской печью и массивным дубовым столом посередине.

Кухня!

С надеждой обшариваю всё: заглядываю в устье печи, проверяю глиняные горшки на полках, приподнимаю тяжелые крышки сундуков и ларей. Пусто. Ни крошки, ни зернышка.

Опустошенная и голодная, я бессильно опускаюсь на лавку. Из-под печи тут же доносится ехидное хихиканье.

— Это ты всё припрятал? — спрашиваю я, понимая, что ссориться с домовым было плохой идеей.

— Как же, — старичок возникает прямо на шестке печи и беззаботно болтает мохнатой ногой. — Пока Осень не уродит, в закромах так и будет пусто. Тебе теперь только на себя саму надеяться осталось. Ну, или на Волха. Поэтому собиралась бы ты, девка, в постель.

Щеки вспыхивают от гнева. Я хватаю со стола деревянную ложку и с силой швыряю во вредного духа. Старичок исчезает, а ложка со стуком отскакивает от печной кладки. В ту же секунду с верхней полки прямо на меня летит тяжелый глиняный горшок.

Я едва успеваю отскочить. Горшок со звоном разлетается вдребезги у моих ног.

Растерянно смотрю на черепки. Обещала же себе с ним не ссориться! Да, видно, характер у меня такой. Недаром всю жизнь ведьмой дразнили.

— Ничего. Где наша не пропадала? — бормочу я себе под нос.

Нахожу в углу крепкое плетеное лукошко и решительно выхожу из терема. Пока я путешествовала с Алёшей, успела заметить: осенний лес полон того, что можно съесть. Главное — не нарваться на неприятности.

На улице еще греет солнце, но ветер обжигает холодом. Сильнее кутаюсь в плащ, вспоминая уроки Алеши. Страх шевелится внутри: я знаю, что леший не даст мне уйти далеко, а то и вовсе запутает в чаще. Поэтому стараюсь не выпускать терем из виду.

Лес кажется пустым. Листва только начала менять цвет, пятна света и тени дрожат на земле под пение птиц. Замечаю гриб, бросаюсь к нему — трухлявый. Второй, третий — та же история. С осенью тут явно творится что-то неладное.

Вдруг впереди вспархивают птицы. Желудок сводит судорогой, во рту становится мокро от воспоминаний о жареной утке. Зачем я ругала Алешу? Он был тысячу раз прав.

Повинуясь инстинкту, я бросаюсь вперед. Голод гонит меня, я выхватываю нож Алеши из-за пояса. Что, если метнуть его?

И в этот миг из чащи на меня выскакивает кабан. Огромный, разъяренный, он несется прямо, выбивая копытами клочья земли. С его клыков капает слюна. Я примерзаю к месту, понимая: этот лес перестал кормить всех, и этот зверь

голоден так же, как я.

В ушах звенит голос Алеши: *«Если решила напасть — действуй!»*

Поднимаю руку, клинок подрагивает в пальцах.

«Рука должна быть твердой, а голова — холодной!» Но как?! Как это сделать, когда смерть несется на тебя во весь опор?

Я бросаю нож. Он оказывается тяжелее, чем я рассчитывала, и с глухим стуком падает в паре метров от меня. Все. Я зажмуриваюсь, готовясь к удару, но слышу хрип.

Что-то с силой врезается в голову кабана. Зверь заваливается на бок, вспарывая землю копытами, еще секунду бьется в агонии и затихает. Открываю глаза и вижу: другой метательный нож вошел ему прямо в глазницу.

Алеша?!

Я резко оборачиваюсь и замираю: передо мной стоит Волх. Сегодня он без своей пугающей медвежьей шкуры — в легкой льняной безрукавке, обнажающей густую вязь темных татуировок на сильных руках. Но его глаза... С ними творится нечто жуткое. Золотые радужки исчезли. Их полностью поглотила непроглядная, бездонная тьма.

Это открытие пугает настолько, что я напрочь забываю о словах благодарности за спасение. Инстинктивно пячусь, спотыкаюсь о тушу убитого кабана и уже лечу на землю, но Волх молниеносно перехватывает меня за запястье. Наваждение тут же спадает: его глаза вновь вспыхивают привыч-

ным золотом, а лицо обретает знакомое хищно-озорное выражение.

— Что это было? — хрипло выдыхаю я, восстанавливая равновесие.

Волх невозмутимо обводит взглядом чашу:

— Если птицы вдруг бросаются врассыпную — беги.

Я судорожно втягиваю воздух. Могла бы и сама догадаться. Скольжу взглядом по его звериным оберегам, по кожаным шнуркам, вплетенным в каштановые волосы, и с горечью признаюсь себе: я не выживу в этом лесу и дня. Любая затея с побегом обречена на провал.

— А ведь я оказался прав, — весело замечает Хозяин Осени. — Ты чуть не умерла.

Он неспешно подходит к туше, а во мне закипает жгучая обида. Уязвленная гордость требует хоть как-то защититься, отыграться.

— А ты что, следил за мной?! — кричу я ему в широкую спину.

— Нет, — небрежно бросает он, рывком вытаскивая свой нож из глазницы животного.

— Тогда что ты здесь делаешь?!

Волх одним мощным, плавным движением закидывает тяжелую тушу себе на плечи.

— Охочусь, — он оборачивается, но из-за ноши его лица почти не видно: теперь прямо на меня пялится окровавленная морда мертвого зверя. — На нечисть.

Я вдруг вспоминаю, каким пугающе бесстрастным было его лицо всего мгновение назад, когда радужки затопила тьма. В голове всплывают недавние слова Алёши: *«И стал он жестоким судьей»*. Так вот как Волх, должно быть, выглядел... до проклятия Яровита.

Я невольно отшатываюсь.

— Что такое? — глухо спрашивает из-за туши Хозяин Осени. — Он уже не оживет.

Волх широко и уверенно шагает в сторону терема. Я медлю лишь секунду, а затем поспешно срываюсь следом. Остаться одной в этом лесу больше совершенно не хочется: тут шастают лешие, волки и... обезумевшие кабаны.

— А в бане ты тоже охотился? — решаюсь я продолжить разговор, семена за ним по тропе.

— Проверял, не утащили ли тебя черти, — морда кабана снова слегка поворачивается в мою сторону. — И, как видишь, снова угадал.

Я возмущенно притормаживаю. Это он так издевается?

— Кто же парится после третьего пара? — весело спрашивает Волх, сбрасывая тушу у самых ступеней крыльца. — Это время нечистой силы.

Я упрямо скрещиваю руки на груди.

— Ты вечно лезешь в самое пекло! — продолжает откровенно забавляться полубог.

— Может, тогда научишь меня защищаться?! — с обидой бросаю я.

Хозяин Осени замирает, изучая меня долгим, внимательным взглядом. На его лице читается явная внутренняя борьба: он-то рассчитывал, что я просто послужу ему для ритуала, и уломать меня можно будет какой-нибудь нелепой выходкой, а не уроками выживания.

— Иначе твоя драгоценная жертва просто не доживет до ритуальной ночи! — мстительно припечатываю я, гордо вздернув подбородок, и первой захожу в терем.

Услышав мои слова, Волх за спиной лишь многозначительно хмыкает.

Глава 9. Ужин при свечах

Я ухожу наверх, всем своим видом изображая оскорбленное достоинство, но уже в спальне сталкиваюсь с суровой реальностью: еды я так и не добыла. А впереди маячит перспектива полного, изматывающего безделья.

Вскоре я понимаю, что готова грызть собственный кожаный ремень. Пару часов спустя я всё-таки сдаюсь и спускаюсь вниз, потому что снизу начинает невыносимо вкусно тянуть жареным мясом. И сейчас этот запах кажется мне самым большим чудом из всех, что произошли со мной с момента попадания к Хозяину Осени.

Когда я прокрадываюсь в кухню, Волх стоит у печи и с грацией крупного хищника наблюдает за пляшущим огнем.

Меня осеняет: это он готовит! Вовсе не мерзкий домовой, который на этот раз постарался сделать так, чтобы тяжелая дверь хлопнула меня по лбу.

Я застываю на пороге, невольно любуясь мощной фигурой первого богатыря. Волх больше не выглядит как дикий лесной отшельник в шкурах.

На нем рубаха из тонкого, явно заморского шелка цвета воронова крыла. Шнуровка на груди небрежно распушена, открывая ключицы и серебряный оберег, поблескивающий на фоне темной вязи татуировок. Широкий наборный пояс

с тяжелыми металлическими бляхами плотно обхватывает узкие бедра, подчеркивая идеальную, хищную статью.

Он щурится, словно сытый лев, и я чувствую, как меня пробирает до мурашек от этого зрелища. В голове тем временем бьется тревожная мысль: Яга сказала, что это из-за него испортилась Осень. Но как именно это произошло?

Я делаю неуверенный шаг в кухню. Волх плавно разворачивается и почти не глядя кидает мне румяное яблоко. Я чудом успеваю его поймать.

— Мое обещание в силе, — низко мурлычет он. — Я не позволю своему подношению умереть голодной смертью.

Он легко хлопает раскрытой ладонью по изразцам печи, а я ловлю себя на мысли: да, Волх — самовлюбленный мерзавец. Но эта опасная, дикая насмешливость идет ему куда больше, чем жуткая мертвая бесчувственность.

— Мое требование тоже в силе, — отвечаю я, с вызовом впиваясь зубами в сочную мякоть фрукта.

Волх разворачивается ко мне всем корпусом.

— Хочешь, чтобы я поверил, будто человеческих женщин соблазняют звоном оружия? — его золотые глаза на миг подергиваются жуткой черной пеленой, а тембр голоса становится глубже, нечеловечески вибрируя.

Но я заставляю себя выдержать этот взгляд.

— Заботой! — припечатываю я и резко разворачиваюсь к выходу.

Просто не хочу, чтобы он видел, как я сейчас буду непри-

лично, жадно есть. Забиваюсь в ближайший темный коридор и вгрызаюсь в яблоко, уничтожая его чуть ли не вместе с черенком. И только проглотив последний кусок, внезапно задаю себе пугающий вопрос: а с чего это вдруг мне стало не плевать на то, что обо мне подумает Волх?

Впрочем, одного яблока неприлично мало для того, чтобы насытиться. Кажется, подачка Волха только сильнее разожгла голод. Я мечусь по терему, как раненый зверь, пока в глазах не начинается предательски темнеть, а тело не накрывает липкой слабостью. Симптомы до боли знакомые: моя соседка по общежитию как-то раз отчаянно пыталась похудеть, и у нее такое было каждое утро. Врач со скорой назвал это гипогликемией.

Я тяжело опускаюсь на лавку и перевожу дыхание. А потом решительно встаю и направляюсь обратно. К черту гордость!

Я врываюсь в кухню с возмущенным возгласом:

— А еще что-нибудь съедобное у тебя есть?! — и тут же застываю на пороге.

Волх сидит на широкой лавке. Шелковая рубаша сброшена, и сейчас он хладнокровно прижигает себе плечо куском раскаленного железа. Литые мышцы на его груди напрягаются, верхняя губа чуть вздрагивает и приподнимается, обнажая ровный ряд белых зубов с пугающе длинными клыками.

Раздается жуткое шипение, от раны поднимается сизый

дымок.

— Эй! Так нельзя лечить! — я инстинктивно кидаюсь к нему и хватаю за руку.

Волх резко отшатывается от моего прикосновения, едва не заваливаясь на спину. Из его горла вырывается хриплый, приглушенный стон. Я смотрю на него с искренним недоумением: неужели простое касание моих пальцев для него больнее, чем раскаленное железо?!

Полубог тяжело переводит дыхание, садится прямо и, поплутовски щурясь, спрашивает:

— Что ты делаешь, красавица?

Из его уст, этим низким, благородно вибрирующим голосом, слово «красавица» звучит просто бесподобно. Но я мысленно даю себе пощечину, не позволяя очаровываться. Я помню слова Яги: я должна понять, что с ним не так, и вернуть этого бесчувственного судью с небес на землю.

— А ты что творишь? — выдыхаю я.

Он равнодушно смотрит на свое плечо и принимается заматывать рану чистым льняным лоскутом. Я молча сажусь рядом и перехватываю ткань, помогая туго затянуть повязку, но на этот раз стараюсь не касаться его кожи.

— Если не прижечь, начнет гнить, — произносит Волх, бросая на меня взгляд исподлобья.

И тут в голове щелкает страшная догадка.

— Сколько веков ты уже так делаешь?

Он пожимает плечами, демонстрируя хищный оскал:

— А какая разница?

— Тебе совсем не больно? — тихо спрашиваю я, когда мы заканчиваем с перевязкой.

Волх равнодушно переводит взгляд на повязку и отвечает ровным, ледяным тоном:

— Так это мертвая плоть.

Услышав это признание, я непроизвольно отодвигаюсь.

— И только ты вызываешь... боль, — он вскидывает голову и пронзительно смотрит мне в глаза. Его радужки приглушенно сияют расплавленным янтарем. Это так завораживающе красиво, что я на секунду теряюсь.

Но следом по спине пробегает неприятный холодок. Почему именно я? И почему именно боль?

— А еще... — Волх вдруг щелкает пальцами, и прямо в воздухе начинает кружиться золотая листва. — Я вспомнил, как делать это, не ложась с женщиной.

Я замороженно смотрю, как из золотистого вихря прямо на стол осыпаются спелые яблоки и тяжелая горсть лесных орехов. То есть то первое яблоко он не принес из леса, а просто сотворил? Мой желудок предательски и очень громко урчит. Прикусываю губу, чтобы прямо сейчас не наброситься на этот божественный завтрак.

Волх плавно поднимается и подходит к печи.

— Кабанятину долго тушить надо, — буднично сообщает он, словно мы и не говорили только что о гниющей мертвой плоти. — Иначе мясо будет жестким и его не прожевать.

Наевшись до отвала, я вдруг понимаю, что меня окутывает приятное, отупляющее тепло. Сама не замечаю, как растягиваюсь на лавке, смежая тяжелые веки. И просыпаюсь уже вечером.

Будит меня умопомрачительное обилие запахов.

Я приподнимаюсь на локте, на пол с мягким шорохом соскальзывает тяжелая шкура (укрыл меня, пока спала?), и я едва не охаю от увиденного. За окнами уже сгустились сумерки, но кухня за это время превратилась во что-то невообразимое!

Прямо на грубом полу, у самого раскаленного шестка печи, раскинулось море возмутительной роскоши. Поверх пушистых медвежьих и волчьих шкур небрежно брошены алые шелковые подушки с золотыми кистями и тяжелые заморские ковры. На исчерканном ножами дубовом столе теперь вызывающе сверкают чеканные серебряные канделябры. Десятки толстых восковых свечей отбрасывают на потолочные балки мягкие золотые блики.

Здесь же, на серебряных блюдах, дымится истекающая соком кабанятина, переливаются янтарем расколотые соты с диким медом, стоят пузатые кубки с питьем.

А посреди всего этого великолепия, в небрежной позе сытого льва, возлежит сам Хозяин Осени. Его черная шелковая рубаха распахнута почти до пояса, обнажая литые мышцы и вязь татуировок.

Он ловит мой ошарашенный взгляд, хищно щурится и властно похлопывает широкой ладонью по шелку рядом с собой.

— Ты требовала еду в постель, — мурлычет он своим бесподобным, раскатистым баритоном. — Я услышал.

Затем он небрежно запускает руку в деревянную миску и выламывает кусок медовых сот. Беззаботно улыбаясь, Волх запрокидывает голову, позволяя янтарной капле сорваться прямо в приоткрытый рот. Часть тягучей сладости стекает ему на ключицу, но полубог лишь довольно щурится, ничуть не смущаясь того, как мед скользит по его рельефной груди.

Я судорожно сглатываю. И это вот... жестокий и беспристрастный судья?! Боже, кем же он был в прошлой жизни?! И понимает ли он вообще, насколько вся эта его вызывающая, первобытная откровенность... соблазнительна?

Во рту скапливается слюна — то ли от одуряющих запахов, то ли от разворачивающегося передо мной зрелища. Волх неувлимо меняет позу, стирая большим пальцем каплю меда с нижней губы, — и сейчас его гипертрофированные клыки выглядят совсем не страшно. Скорее, пугающе красиво.

— Тебя тоже ждет наслаждение, — зовет Волх.

Я мысленно вздыхаю. Господи, за что мне это испытание?! Но желание... поест — и теперь я уже сильно сомневаюсь, что дело только в физическом голоде, — оказывается сильнее.

Осторожно сажусь на край расстеленного ковра рядом с Волхом. Хозяин Осени плавно приподнимается и бережно берет меня за подбородок. От него пахнет яблоками в меду, а прикосновение шершавых пальцев оказывается таким легким и нежным, что отстраняться совершенно не хочется.

Он вкладывает мне в рот кусочек мяса, и в этот миг на его лице отражается такая неподдельная забота. Прямо как я просила! От этого сердце предательски пропускает удар.

Волх легонько прикрывает мне губы пальцами. Я жую, зажмурившись от невероятного вкуса. Мало того что он древнее божество, так еще и повар хоть куда! (Если, конечно, не наколдовал всё это). Я прижимаю ладони к пылающим щекам и издаю приглушенный стон удовольствия от еды.

И тут Волх портит абсолютно всё.

— Теперь хочешь меня? — буднично интересуется он с полным осознанием собственного великолепия.

Я едва не выплевываю кабанятину.

— Тьфу ты! — я вскакиваю на ноги как ужаленная. — Нет!

Волх смотрит на меня снизу вверх, и на его лице читается мучительная, скрипучая работа мысли. Он ведь сделал всё в точности так, как я велела, — и снова «нет»!

— Чего тебе опять не хватает? — хмуро и почти обиженно спрашивает он.

Я возмущенно всплескиваю руками. Как объяснить этому дикому чурбану?!

— Ты понимаешь... девушка не хочет просто какого-то обряда, когда у нее это в первый раз! — жар заливает лицо до самых ушей.

Вот я и ляпнула. Призналась в том, что всегда тщательно скрывала: что никогда и никому по-настоящему не нравилась. А теперь с предложениями близости за мной бегают потрясающе красивый полубог. Ирония судьбы!

— А чего хочет? — глубоким, обескураженным голосом переспрашивает Волх.

— Ты всё равно не поймешь! — огрызаюсь я.

Бросаюсь к столу, судорожно сгребаю куски мяса на серебряное блюдо. Мчусь к выходу, но у самых дверей меня вдруг останавливает его тяжелый, задумчивый взгляд, в котором на миг снова мелькает темная тень.

— Любить — это не только хотеть! — выдаю я, прежде чем позорно сбежать наверх.

И только там, запершись в своей каморке и наслаждаясь бесподобной кабанятиной, я задаюсь тревожным вопросом: а не слишком ли сложную концепцию я только что предложила этому существу?

Глава 10. Учитель

На следующий день я снова сталкиваюсь с проблемой изматывающего безделья. Шатаюсь по пустому терему и отчаянно пытаюсь найти себе хоть какое-то применение. Яга отправляла меня сюда для того, чтобы я заставила этого бесчувственного судью осознать, что он не всегда прав. Но, по моему, пока что я сделала из него лишь упрямого подростка, помешанного на женском внимании.

А виноватым он себя не чувствует. Вот ни капельки!

Волх искренне считает, что он великолепен. Подозреваю, что примерно так же он вел себя и в роли вершителя судеб, разве что был чуть более суровым и мрачным. Я ни на шаг не приблизилась к разгадке тайны Хозяина Осени, поэтому мне остается только бессильно и молча злиться.

От разочарования я выхожу во двор, отыскиваю подходящий, крепко вкопанный в землю деревянный столб — похоже, это старая коновязь, но мне абсолютно плевать — и начинаю методично метать в него Алёшин нож.

Получается из рук вон плохо. Нож раз за разом отскакивает от дерева и падает в пожухлую траву.

И тут я слышу у себя за спиной насмешливое цыканье.

— Так у тебя ничего не выйдет! — ну конечно, это Волх.

Я принципиально не оборачиваюсь, но он отпускает еще

пару нелестных, язвительных замечаний в адрес моей неловкости. Тогда я резко расправляю плечи, оборачиваюсь и бросаю ему в лицо:

— Алёша Попович, между прочим, хотя бы пытался меня научить! И дал мне оружие!

Я впервые вижу, как золотые глаза Волха округляются от неподдельного возмущения.

— Эта продажная девка в мужском обличье?!

Я замираю, опешив от такой бурной реакции. Что это сейчас было? Он завидует Алёше или просто пытается его оскорбить?

— На себя бы посмотрел! — огрызаюсь я.

Но вместо колкого ответа Волх плавно и бесшумно подходит ко мне вплотную. Я снова оказываюсь в плену этого дурманящего аромата согретой солнцем рыжей листвы, смешанного с густым запахом дикого меда и спелых яблок. Полубог встает прямо позади меня, почти касаясь грудью моей спины, и своими большими, горячими ладонями уверенно и аккуратно поправляет мою руку с зажатым в ней лезвием.

Волх слегка ударяет меня коленом под колено, заставляя чуть присесть.

— Левую ногу вперед. Упрись в землю так, будто собираешься прыгнуть, — негромко командует он.

Следом Хозяин Осени плавно отводит мою руку назад, а затем ведет вперед, задавая идеальную траекторию броска. Его широкая грудь при этом вплотную касается моей спины,

и мне мгновенно становится жарко там, где соприкасается наша одежда.

— Не ломай кисть, — спокойно комментирует Волх. — Рука должна быть прямой. Как только лезвие посмотрит в цель — просто разожми пальцы. Не толкай его, дай сорваться самому.

Я судорожно перевожу дыхание, потому что запах Волха — дурманящий, невозможный, густой — напрочь убивает во мне всякую концентрацию.

— Смотри на темный узел на коре, — вибрирует его голос над самым ухом. — Куда глядят глаза волка, туда и вонзаются его клыки.

Миг — и нож вырывается из моих пальцев, а следом с глухим, сочным стуком глубоко вонзается в дерево.

— Просто у тебя до сих пор не было достойного учителя, — с полным осознанием собственного совершенства констатирует Волх.

Я изо всех сил борюсь с желанием закатить глаза. Ему вообще кто-нибудь говорил, что он невыносимо самодовольный? А потом я вспоминаю про жалобы жителей Тридевятого царства на беспристрастного судью: вероятно, да, и не раз.

И как же, скажите на милость, его от этого исцелить?

Убедившись в моем успехе, Волх наконец отступает, позволяя мне нормально вдохнуть.

А затем, со скучающим видом, небрежным и молниеносным движением достает свой собственный нож и швыряет

его в сторону коновязи.

Вжих!

Его тяжелый клинок с хрустом влетает точно в рукоять Алешиного ножа. Оружие богатыря с жалобным звоном вылетает из дерева погнутым куском металла, а нож Волха остается гордо торчать в самом центре мишени.

— А-а-а!! — в отчаянии вырывается у меня.

Это уже слишком! Этот самодовольный кретин испортил мой единственный нож просто для того, чтобы доказать свое превосходство над богатырем!

Я чувствую, как воздух вокруг меня стремительно разогревается. Волх в этот миг оборачивается, и я с мстительным удовлетворением вижу, как его идеальная физиономия вытягивается от искреннего удивления. А следом опускаю взгляд и замечаю, как трава прямо под моими ногами начинает обугливаться и тлеть.

Я всю жизнь до ужаса боялась своей непонятной силы. Переживала, что однажды сорвусь и случится нечто подобное.

Но сейчас — просто идеальный момент, чтобы проучить этого первобытного мерзавца!

— Это был подарок!! — кричу я, и тугая волна раскаленного воздуха бросается на Волха.

Но она лишь сжигает его щегольскую одежду в пепел да взметает каштановые волосы. Хозяин Осени, ничуть не испугавшись, скрещивает мощные руки на груди и восхищенно выдыхает:

— Великолепно!

А я ошарашенно пялюсь на его рельефный пресс. И на сильные ноги, покрытые черной сажей. Всё самое пикантное чудом остается скрыто обгоревшими остатками портов, но я более чем уверена: Волх ни на секунду не смутился бы, окажись он передо мной абсолютно голым. В конце концов, он уже щеголял в одной только шкуре.

И тут до меня доходит: Волх прямо сейчас с пугающим, жадным восторгом разглядывает... меня.

Опускаю глаза и с ужасом осознаю, что тоже с ног до головы покрыта сажей, а от моей одежды остались лишь жалкие, едва прикрывающие тело лоскуты.

— Черт! — пишу я и под раскатистый, густой хохот Хозяина Осени позорно спасаюсь бегством в недра терема.

Уже позже, сидя в лохани с горячей водой, которую, ворча, притащил домовый, я внимательно изучаю свое отражение. Кожа стала еще более гладкой и светлой, а ненавистное родимое пятно, с которым я прожила всю жизнь, стянулось еще сильнее — теперь оно занимает от силы половину щеки. Я с замиранием сердца касаюсь лица пальцами: похоже, каждый раз, когда я высвобождаю свою силу, магия неуловимо меняет меня.

Значит, я никогда уже не буду прежней и... в конце концов стану красавицей? Я растерянно обнимаю себя за мокрые плечи.

А еще это значит, что там, во дворе, Волх восхищался мо-

ей фигурой абсолютно искренне.

И я понятия не имею, что мне с этим делать и что я из-за этого чувствую.

Утром меня встречает пугающе-необычная картина: прямо в половицу перед моей постелью вогнан короткий меч. Клинок выкован из темного металла, по всей длине которого идет волнистый, многослойный узор, до жути напоминающий переплетенные кровеносные сосуды. Чуть изогнутое лезвие похоже на хищный клык огромного зверя. Оно кажется массивным, но заточено так тонко, что, кажется, способно разрубить сам воздух.

Рукоять выточена из потемневшей, желтоватой кости какого-то древнего существа, покрыта грубой резьбой и местами обмотана старой задубевшей кожей. А гарда хищно скалится растопыренными когтями.

Я тяжело вздыхаю. Похоже, это еще одна нелепая попытка Хозяина Осени произвести на меня впечатление. И как, интересно, я должна доставать эту штуку из досок?

Из принципа я сначала как ни в чем не бывало привожу себя в порядок, но клинок нет-нет да притягивает взгляд. Его лезвие опасно поблескивает, словно по темной стали то и дело пробегают искры.

Наконец я сдаюсь любопытству. Воровато оглядываюсь по сторонам, опускаюсь на колени и крепко хватаюсь за костяную рукоять.

И тут начинается то, чего я никак не могла ожидать: меч буквально выстреливает из половицы!

Меня с нечеловеческой скоростью рывком выносит из комнаты. Я в шоке осознаю: это не я держу оружие, это *сила оружия* тащит меня за собой!

— Вот черт! — в панике воплю я. — А-а-а!

— Меч-Самосек!! — в ужасе верещит домовой, случайно выскочивший мне навстречу в коридоре, и тут же растворяется в тенях.

Очень вовремя! Потому что кровожадная железяка в моей руке уже дернулась, готовая рвануть к нему и разрубить пополам.

Меч волочет меня к лестнице, заставляя спуститься вниз. Эта тварь буквально заглядывает в каждую комнату в поисках жертвы, а я безуспешно пытаюсь ее остановить, отчаянно скользя пятками по полу и тормозя всем весом.

Внезапно в дверях гридницы моя рука сама собой взмывает вверх для смертоносного удара, но сокрушительный секущий замах тут же жестко блокируют.

Я скидываю голову и вижу перед собой Волха. Он застыл в изящном, хищном полуприседе, играючи отбив выпад своим кинжалом. Хозяин Осени не дал Самосеку врезаться в преграду и теперь с насмешкой смотрит мне прямо в глаза.

— Я нашел оружие, достойное царицы, — произносит Волх глубоким, интимным полупшепотом, словно мы не в бою, а на свидании.

Но безумный клинок в моей руке плевать хотел на эти любезности. Он вырывается и делает новый яростный замах.

Волх отражает удар с тем же ленивым изяществом. Звенит сталь, во все стороны брызжут искры.

— Несмешная шутка! — рычу я, пытаюсь разжать пальцы, но магия клинка намертво приковала мою руку к рукояти.

Волх отвечает мне откровенно наглым, самодовольным взглядом.

— Если хочешь, чтобы я тебя учил, — Хозяин Осени легко парирует очередной взмах моей руки, — попытайся сперва с ним совладать.

Затем он легким пинком распахивает тяжелые двери гридницы, и мы буквально вваливаемся внутрь. Волх одним пружинистым движением взлетает на массивный дубовый стол, а магия клинка неумолимо влечет меня следом. Меч откровенно упивается схваткой, пока Хозяин Осени играючи подныривает под мои выпады и жестко блокирует смертоносные удары.

Похоже, впервые за очень долгое время под этими мрачными сводами снова поет сталь.

Магия Самосека заставляет меня сражаться как заправского фехтовальщика. Но Волх всё равно быстрее и сильнее. И это еще не самое скверное: я чувствую, как бешеная, непривычная физическая активность буквально выжимает из меня все соки. Если так пойдет и дальше, я просто рухну на пол от истощения.

Я бросаю яростный взгляд на Волха, который только что легко подпрыгнул, уходя от моего разящего удара по ногам, и закипаю от злости: *«Я же могу тебя ранить, идиот!»* И тут же понимаю: этот безумный бой — разом и ответ на мою вчерашнюю претензию насчет уроков Алёши, и жестокая проверка на прочность.

— Останови его! — командует Волх в тот самый момент, когда мой меч со всего маху глубоко врежется в темные доски стола.

— Тебе свою гридницу не жалко?! — рычу я, пытаюсь вырвать застрявшее лезвие.

Но в золотых глазах Хозяина Осени лишь полыхает дикий азарт, которого я совершенно не понимаю. Чего он вообще добивается этим поединком?

— Прикажи мечу! — подзуживает Волх, подходя ближе.
— Обуздай его жажду!

— Стоять! — в отчаянии ору я.

Но проклятое оружие плевать хотело на мои слова, оно снова рвется в бой. И тогда от бессилия и страха я начинаю злиться по-настоящему. По венам прокатывается знакомый жар, по ладоням к эфесу устремляется моя собственная просыпающаяся магия. Костяная рукоять стремительно нагревается, клинок словно испуганно вздрагивает — и вдруг тяжело опускается, внезапно став просто куском железа. Я снова управляю своей рукой!

В этот миг Волх кидает мне ножны.

— Прячь, а то сталь снова захочет крови, — коротко приказывает он, и я поспешно слушаюсь, с лязгом загоняя лезвие в чехол.

Волх неторопливо проходит мимо. Моих ноздрей снова касается этот дурманящий осенний аромат дикого меда и пахлой листвы. Хозяин Осени невесомо, почти нежно касается моего плеча.

— Ты прекрасна, когда злишься, — низко, с хрипотцой звучит прямо над ухом.

Я невольно замираю, борясь с предательской дрожью. Но то, что он говорит дальше, оказывается куда приятнее и важнее любого комплимента:

— Я буду учить тебя.

Когда тяжелые двери гридницы захлопываются за его спиной, оставляя меня одну в коридоре, я сжимаю Самосек и снова начинаю закипать. Неужели нельзя было устроить первый урок как-нибудь... менее экстремально?!

Решительным жестом я распахиваю двери гридницы и замечаю домового, который тут же отпрыгивает, разглядев меня.

— Хозяин, скоро Осенины, — долетает до меня.

Глава 11. Осенины

Волх останавливается у порога и несколько долгих мгновений изучает меня. Я поеживаюсь: мне категорически не нравится это внезапное, цепкое внимание. Обернувшись к распахнутым дубовым створкам гридницы, я решаюсь задать вопрос, который мучает меня уже давно:

— Почему ты её запер?

Волх мрачнеет. Тень пробегает по его лицу, вмиг стирая недавнюю насмешливость. Молча, одним скупым жестом он манит меня внутрь.

Крепче перехватив ножны с Самосеком, я осторожно шагаю следом за древним полубогом. Волх кивает на потускневшие фрески под самым потолком. Запрокинув голову, я вижу череду сцен: вот исполинского роста человек бережно держит на руках крошечного медвежонка; вот тот же гигант учит подростка парнишку стрелять из лука; а вот они уже вдвоем, верхом на могучих конях, ведут за собой бескрайнюю рать.

— Это Святогор, — глухо роняет Волх. — Мой наставник. Тот, кто заменил мне отца.

Хозяин Осени скрещивает руки на груди. Его золотые радужки вспыхивают нехорошим, холодным светом.

— Илья убил его, чтобы забрать силу.

— Илья... Муромец? — вполголоса, с ужасом уточняю я. Волх презрительно фыркает:

— Хваленая богатырская честь не помешала ему убить даже собственного сына. Я поклялся, что больше ни один из этих ублюдков не пересечет мой порог.

Острием своего клинка Хозяин Осени с ненавистью чертит невидимую линию поперек входа в гридницу. А я чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Светлый, героический образ, знакомый с самого детства по сказкам и былинам, с треском разваливается на куски. Илья Муромец... убийца?

Волх тем временем резко меняется. Тень прошлого слетает с него так же быстро, как и появилась. Он делает шаг в коридор, вытесняя меня наружу, и с наслаждением потягивается, разминая широкие плечи.

— Как давно я так хорошо не разминался с мечом! — бросает он уже привычным, до зубовного скрежета самодовольным тоном.

Тяжелые створки гридницы с глухим стуком захлопываются за его спиной, вновь надежно отсекая меня и остальной терем от зала его мертвой дружины.

После этого Волх срывается в лес, на сей раз даже не прихватив с собой своих жутких безмолвных всадников. Передо мной он, разумеется, отчитываться не собирается. Но я радуюсь уже тому, что на кухне чудным образом появились при-

пасы: похоже, Хозяин Осени просто их наколдовал, вновь ощутив в себе ту самую силу, для пробуждения которой ему раньше требовалась женщина.

Я задумчиво катаю по дубовому столу яблоко, прислушиваясь к тому, как в глиняном горшке в печи уютно побулькивает закипающая каша. Я еще очень нескоро привыкну к этой чудовищно огромной замене электрической плиты!

И тут меня прошивает внезапная мысль: раз Хозяин Осени снова... плодороден, может, ему больше и не нужна невеста для ритуала? Я ведь могу спокойно жить дальше свою обычную жизнь и, может быть, даже вернуться домой...

«Где тебя никто не ждет», — настойчиво напоминает внутренний голос.

А перед внутренним взором тут же возникает наглый, но такой притягательный янтарный взгляд Волха, от которого почему-то сладко сосет под ложечкой.

Я со злостью быю раскрытой ладонью по столу. Да Волх — просто обаятельный мерзавец, который в следующий же сезон вновь станет бесчувственным, холодным чурбаном! А мне всего-то и нужно, что разобраться с этой проклятой Гнилью, всё остальное меня вообще не касается!

В этот самый момент прямо передо мной на стол с глухим стуком приземляется связка пушистых тушек, перетянутых грубой бечевкой.

— Волх! — я вскакиваю, едва не опрокинув лавку.

Вот ведь черт! Стоило только на секунду расслабиться и

подумать о нем — он тут как тут! Всё такой же самодовольный, наглый, пахнувший лесом. И, надо честно признаться себе, мое сердце предательски екает, когда я снова вижу эту плутовскую усмешку.

— Ну, как тебе моя добыча? — раскатисто интересуется полубог, нависая над столом.

Я с содроганием гляжу в остекленевшие глаза мертвых зайцев и возмущенно всплескиваю руками:

— Думаешь, я тебя за это похвалю?!

Волх хищно скалится:

— А кто-то совсем недавно умолял меня дать ему хоть яблочко. Или кусочек кабанятины, — он опирается руками о столешницу и наклоняется ко мне непозволительно близко, словно для поцелуя.

Я почему-то напрочь забываю о том, что первым делом мне следовало бы отстраниться. Замираю, глядя на его губы, и ловлю себя на мысли, что он — невозможный, дикий, абсолютно необузданный... и при этом мне так отчаянно хочется зарыться пальцами в его густую каштановую гриву.

Нет! Прекратить немедленно!

Я судорожно сглатываю, морщусь и резко откидываюсь назад, выпрямляясь так, словно проглотила палку.

— Сегодня я испеку лучший в мире пирог, — будничным тоном сообщает Хозяин Осени и с грацией опасного хищника плавно отходит к раскаленной печи.

— Интересно, сколько времени ты смог бы продержаться,

не нахваливая себя? — бурчу я, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Он плавно и чертовски соблазнительно оглядывается через плечо:

— Зачем мне держаться? Я ведь великолепен. И ты об этом знаешь.

Я снова сглатываю. Похоже на то, что да.

— Поможешь мне? — Волх снова оборачивается, и на сей раз в его голосе нет ни капли привычного самодовольства. Он звучит почти... просительно.

— Смотря в чем, — осторожно отвечаю я.

— Завтра Таусень, — необычно серьезно объясняет Волх. — День осеннего равноденствия. Время, когда мы воздаем хвалу Матери-Сырой-Земле. — Он пристально смотрит мне в глаза, и я медленно киваю. — И благодарим ее за урожай.

Он подходит к тяжелому дубовому ларю и достает оттуда мешок муки. Я в полном замешательстве наблюдаю за этим действием. Мы собрались... печь пирог? Вместе? После того, как еще утром махали мечами?

Но бешеное сердцебиение неожиданно успокаивается. Я перекидываю длинную косу за спину, расправляю плечи и внимательно смотрю на Хозяина Осени. Волх — определенно из тех мужчин, с которыми никогда не бывает скучно.

И, кажется, мне это начинает нравиться.

Мы вместе замешиваем тесто. Волх встает позади меня, и его огромные, горячие ладони накрывают мои руки. От этой

близости глубоко внутри просыпается тягучий жар. Он помогает мне месить упругий ком муки, практически укрывая меня от всех тревог мира своей широкой спиной. И я внезапно чувствую, что этот дикарь может быть потрясающе нежным.

Эти мысли пугают до одури. Я пытаюсь мысленно одернуть себя: он же просто неотесанный чурбан! Эгоистичный древний полубог, который только и умеет, что говорить о собственных желаниях!

Но тут горячее дыхание Волха шевелит прядь волос над моим ухом, и я неминуемо, предательски расслабляюсь, откидываясь на его грудь.

— Ты... вот так же пек пироги... с каждой своей невестой? — почти через силу, с затаенной ревностью выдыхаю я.

— Я ни с кем этого не хотел, — его раскатистый бас вибрирует прямо над моим ухом.

— А со мной?..

— А ты не такая.

Он выпускает мои перепачканные мукой руки и плавно огибает меня, вставая рядом.

Я инстинктивно скрещиваю руки на груди, оставляя на одежде белые следы. Ну давай, скажи, что у меня «очень красивая душа». Прямо как тот парень из универа, который, как выяснилось позже, просто на спор надо мной издевался.

— Другие засыпали, — негромко продолжает Волх, глядя

на тесто. — Как только мы заканчивали ритуал. Соединиться со мной — значит отдать много сил. Женщины погружались в сон до самой зимы.

— Выходит, не зря я отказалась прыгать к тебе в постель? — нервно хмыкаю я и снова опускаю руки в миску, пытаюсь скрыть дрожь.

— Ты дала мне гораздо больше, чем они, — вдруг звучит совсем рядом, тихо и искренне. — Раньше я проводил всю осень в одиночестве. Я даже не понимал, насколько тоскливо мне было бродить по пустым лесам. А ты... ты меня веселишь.

Мои пальцы вздрагивают и замирают в тесте.

Я резко бросаю свое занятие, торопливо отряхиваю руки и, не говоря ни слова, вылетаю из кухни.

— Да что опять не так?! — несется мне вслед возмущенный и искренне недоумевающий рык Хозяина Осени.

А я просто не знаю, как ему это объяснить. Не понимаю, готова ли я признаться самой себе в собственных чувствах. Потому что правда в том, что мне тоже еще никогда не было так... так живо, так весело и так хорошо ни с одним мужчиной на свете. И это пугает.

Наутро я просыпаюсь от пробирающего до костей холода. Распахиваю глаза — вокруг кромешная, чернильная тьма. Лучина, за которой обычно неусыпно следил домовый, потухла, словно ее разом задул ледяной, могильный сквозняк.

Спускаю ноги с постели, и тяжелая медвежья шкура с глухим стуком соскальзывает на пол. Я бреду вперед на ощупь, зябко обхватив себя за плечи. В голову закрадывается трусливая, но такая отчаянно искренняя мысль: сейчас я бы абсолютно не отказалась от того, чтобы Волх оказался рядом. Ведь это же не Гниль пробралась в терем?

Спотыкаясь в стылой темноте, я спускаюсь вниз, добираюсь до огромной печи и принимаюсь разводить огонь. Кажется, призыв внутреннего жара — это единственное, чему я пока действительно неплохо научилась, не считая разрушительного умения махать Самосеком.

Пальцы теплеют, искра срывается с рук — и вдруг всё вокруг взрывается светом.

Пространство не просто светлеет; оно искрится, переливается золотом и наполняется густым, почти осязаемым пряным теплом. Я испуганно подаюсь назад, бормоча:

— Что я наделала?

— Зажгла новый огонь, — раздается от дверей низкий, вибрирующий голос.

Я резко оборачиваюсь: можно было и не сомневаться, это Волх. Но сейчас он смотрит на меня с таким благоговением, что сердце делает кульбит и замирает где-то в горле. В его глазах читается абсолютное, чистое восхищение, и в этот раз я ему верю. Я судорожно сглатываю.

Волх медленно, словно боясь разрушить магию момента, приближается ко мне.

На нем длинный, богато расшитый серебряными нитями бархатный кафтан цвета глубокой полуночи, плотно пере-хваченный на талии широким поясом с литыми золотыми бляхами. Под кафтаном угадывается тонкая шелковая руба-ха, а на плечи величественно накинуто тяжелый плащ, щедро подбитый темным соболиным мехом.

— Ты начала обряд, тебе его и справлять, — негромко произносит он.

Я ошарашенно киваю, кожей чувствуя, как древняя, первобытная магия Таусеня пронизывает всё вокруг, пульсирует в бревенчатых стенах терема и искрит в воздухе между нами.

— Будь моей Хозяйкой, — просит полубог, глядя на меня сверху вниз.

— Ладно, — на одном дыхании выдыхаю я.

Потом нас, шелестя крыльями, окружают совы.

— Они понесут весточки живых предкам, — объясняет Волх. — Сегодня осеннее равноденствие. Земля начинает засыпать.

Следом он зажигает длинную лучину от печного огня, и мы выходим в сени.

— Отвори дверь, — приказывает Хозяин.

Его обжигающее дыхание приподнимает прядь моих волос. Я толкаю тяжелую створку от себя. Дверь со скрипом распахивается, и совы сплошным потоком вырываются нару-

жу. На миг от мельтешения крыльев становится совершенно ничего не видно, уши закладывает от шума, но я чувствую, как Волх надежно закрывает меня собой, укрывая от птичьей бури.

Когда совы вылетают, я опускаю взгляд на двор и цепенею. Перед теремом собралась настоящая толпа.

Огромные лешие жмутся к забору. Рядом с ними переминаются бледные, смертельно-прекрасные девы в венках из кувшинок. Чуть поодаль переваливаются с ноги на ногу грузные, обрюзгшие создания, с которых на сухую землю капает черная, зловонная болотная жижа, а прямо из-под земли на меня таращатся коренастые старички, похожие на ожившие трухлявые пни.

Я отступаю назад, потому что эти создания уж слишком напоминают мне навий, от которых меня защищал Алеша. Но Волх аккуратно придерживает меня за руку.

— Это праздник для тех, кто живет здесь.

Он слегка касается моей руки — и тут я замечаю, как рукав моей исподней рубахи вдруг вспыхивает золотой вышивкой. Вся моя одежда преобразается в роскошный наряд. На мне теперь тяжелое платье из темно-алого бархата, густо расшитое золотыми дубовыми листьями и защитными оберегами. Подол и длинные рукава оторочены темным блестящим мехом, а талию стягивает широкий пояс с драгоценными камнями, мерцающими в полумраке.

Я удивленно выдыхаю.

— Наряд демонстрирует мою щедрость и богатство, — низко произносит Волх мне на ухо. — И оттеняет твою красоту.

Я фыркаю, потому что с некоторых пор у меня развилась аллергия на комплименты.

— Уверен, еще ни у кого из моих братьев не было такой потрясающей Хозяйки, — прибавляет Волх и это правда очень приятно слышать.

Волх делает плавный жест, предлагая мне сойти к гостям. Я осторожно приподнимаю длинные тяжелые полы платья и делаю шаг.

Толпа нечисти волнуется внизу, словно живое, темное море. Они крикают, фыркают, щелкают челюстями, тонко пошвистывают — словом, издают все те жуткие звуки, которые можно услышать ночью в чащобе. Но пока Волх рядом, я их не боюсь.

Я углубляюсь в толпу, выделяясь в этом сером мраке, словно живое алое пятно.

— Хороша-а-а... — шелестят бледные мавки.

— Силы много, — скрипуче переговариваются лешие.

Волх идет следом, своими широкими плечами легко раздвигая толпу нечисти, сбежавшуюся поглазеть на меня.

Наконец я вижу, куда именно мы двигаемся: впереди сложена огромная куча сухих веток, подготовленная для костра.

Мы подходим вплотную. Волх наклоняется, увлекая меня за собой, и мы вместе, рука об руку, подносим зажженную

лучину к сухим ветвям. Пламя с гудением взвивается вверх, разгоняя тьму.

Толпа нечисти раздражается оглушительным, довольным визгом и начинает безумно прыгать и скакать вокруг ожившего огня.

Из беснующейся толпы выступает гигантская фигура. Это самый древний леший, заросший седым мхом, чьи руки похожи на узловатые ветви векового дуба. Он подходит к Волху и протягивает кубок, искусно вырезанный из капа и полный густой золотистой жидкости.

— Вот, Хозяин, — скрипит он. — Отведай мертвого меда.

Волх улыбается и смотрит на меня. На мгновение мне кажется, что в его глазах блестит лукавая искра.

— Благодарствую, Бурелом! — раскатисто звучит его голос. — Но это она вас сегодня позвала. Так чествуйте Хозяйку!

С этими словами он плавно отступает в сторону.

Лесная нечисть оглушительно шумит. Волх с откровенным удовольствием присоединяется к ним, хлопая в ладоши и подбадривая меня. Я кидаю на него испепеляющий взгляд и вдруг... понимаю. Каково это — исполнять свой долг из века в век, не чувствуя ни удовлетворения, ни благодарности? И вот только теперь что-то изменилось. Наконец-то я его по-настоящему развлекаю!

Тем временем седой Бурелом с тяжелым скрипом, напоминающим треск ломающегося дерева, опускается передо

мною на одно колено. В своих огромных корявых лапищах он бережно держит изящный кубок. Я заглядываю внутрь и вижу, что на поверхности плавают пожелтевший лист и тонкая паутинка.

Нервно сглатываю.

— Эту сурицу мы сделали из мертвого меда и трав, собранных на границе с увядающим лесом, — рокошет леший, и его голос гудит, как раскачиваемое бурей дерево. — Прими наше подношение... — Он делает почтительную паузу. — Хозяйка.

Я дрожащими руками принимаю кубок и быстро опрокидываю в себя содержимое, стараясь не думать о том, что еще может быть в напитке, кроме листьев и паутины. На вкус это густая, обжигающая сладость с сильным привкусом прелой листвы и горькой полыни.

Жуткая музыка на секунду затихает, и к костру плавно выходит мавка — невероятно красивая, бледная дева с пустыми, темными глазами и волосами цвета болотной ряски. Она несет тяжелый венок, сплетенный из багряных осенних листьев, ягод ежевики, блестящих вороньих перьев и мелких выбеленных костей.

— Принимай венец, — негромко командует Волх.

Я послушно склоняю голову, чуть приседая, и мавка возлагает корону на мои волосы. Стоит мне распрямиться, как нечисть дружно, словно по команде, гнется в низком поклоне.

— Хозяйка Осени! — невпопад, хрипло и восторженно выкрикивают в толпе.

Дикая сурица тем временем начинает действовать. Она мягким жаром растекается по венам, приглушая робкий человеческий разум и обостряя первобытные, звериные инстинкты. Теперь в жутком щелканье челюстей, уханье и свисте нечисти я слышу четкий, завораживающий ритм — настоящую музыку леса.

Мавка хватает меня за руку холодными тонкими пальцами и увлекает за собой прямо к огню. Волх громко, раскати-сто хохочет, задавая ритм хлопками, и этот звук окончательно срывает с меня все внутренние запреты.

Меня охватывает небывалый, пьянящий азарт. Я врываюсь в хоровод. Тяжелый бархатный подол взлетает, словно крылья. Я кружусь вместе с лешими и мавками, запрокидывая голову и смеясь так звонко, как никогда в жизни. И самое поразительное — я вдруг начинаю понимать их без слов. Каждый взмах их узловатых рук, каждый скрип и сиплый вскрик несет в себе смысл: они славят свою землю, славят саму жизнь перед приходом долгой зимы. Мне так легко и хорошо, что в это сложно поверить.

Вдруг из толпы ко мне тянется синюшная, костлявая рука упыря, которого я бы испугалась еще недавно. Но теперь страха нет. Я смело вкладываю свою горячую ладонь в его мертвые пальцы, и он с неожиданной легкостью кружит меня над землей. Искры от костра взмывают в черное небо. В этот

безумный, полыхающий миг мне кажется, что я наконец-то нашла свое место. Может, мне на роду написано быть именно такой — проклятой, необузданной Королевой Нечисти?

Но не успеваю я сделать и круга, как ледяные пальцы нечисти исчезают.

Меня рывком дергают назад. Сильная, нечеловечески горячая рука перехватывает мое запястье, а вторая по-хозяйски, жестко ложится мне на талию, впечатывая в твердую грудь.

Упырь сдавленно шипит и мгновенно растворяется в толпе.

Я резко оборачиваюсь и вскидываю голову. Волх. Его глаза в отсветах огромного костра не просто светятся — они полыхают расплавленным янтарем.

Он не останавливает танец. Он забирает его себе.

Волх делает резкий шаг вперед, заставляя меня отступить, и мы врываемся в ритм нечисти. Это больше не дикий, хаотичный хоровод. Это первобытный, хищный танец, где он — охотник, а я — его добыча, которая больше не хочет убегать.

Его пальцы на моей талии обжигают даже через плотный бархат платья. Он ведет уверенно, властно, наши тела то сталкиваются, то расходятся на длину вытянутой руки. Я задыхаюсь — то ли от бешеного темпа, то ли от дурманящей сурицы, то ли от его близости.

Я откидываюсь назад, и Волх мгновенно ловит меня, нависая сверху. Мы замираем. Музыка леса грохочет где-то на

фоне, но для меня сейчас существует только его тяжелое, прерывистое дыхание на моей коже.

— Ревнуешь? — дерзко выдыхаю я прямо в его приоткрытые губы. Мои щеки пылают, грудь высоко вздымается.

Волх рывком ставит меня на ноги и притягивает к себе так близко, что я чувствую, как бешено колотится его сердце.

— Моя Хозяйка не танцует с мертвецами, — хрипло, почти звериным рыком отзывается он.

Его взгляд падает на мои губы. В янтарных глазах мелькает такой первобытный, неприкрытый голод, что у меня подкашиваются колени. Сердце срывается в галоп. Одно мгновение — и мне кажется, что он прямо сейчас сотрет все границы между нами.

Но Волх с шумом втягивает воздух сквозь стиснутые клыки. Желваки на его скулах ходят ходуном. Он берет себя в руки с видимым, колоссальным усилием.

— Довольно, — хрипит он, отпуская мою талию, но по-прежнему крепко держа за руку. — Ты слишком много выпила.

— Мне весело! — возмущенно восклицаю я, хотя голос предательски дрожит.

— Если нечисть разойдется, ее потом не утомонишь. А упадешь, — уже суше отрезает он, уводя меня прочь от огня. — И хорошо, если останутся силы завтра встать. А то неровен час, пролежишь до первого снега.

Он решительно направляется в сторону гигантского дуба,

сплошь покрытого ритуальной резьбой, того самого, у которого мы впервые встретились — так это было совсем недалеко от терема! Я, словно примагниченная, покорно иду за ним, все еще чувствуя на своей талии фантомный жар его пальцев.

Под сенью широких ветвей прохладно и тихо. Волх останавливается, стягивает с себя плащ и накидывает мне на плечи. Меня тут же обдает его запахом с головой. Материя хранит тепло его тела, и я инстинктивно кутаюсь в него, чувствуя себя защищенной и... до безумия живой.

Из полумрака я смотрю, как нечисть принимается накрывать столы сырой рыбой и кореньями. Наваждение постепенно отпускает, разум проясняется.

Волх встает рядом, почти касаясь моего плеча своим.

— Сегодня я побыл обычным гостем на празднике, — негромко нарушает он тишину. Тепло его голоса обволакивает. — И... я никогда так не танцевал.

Я медленно поворачиваю к нему голову.

— Как? — спрашиваю я одними губами.

Он протягивает мне флягу с ледяной родниковой водой.

— Так, будто я живой, — низко отвечает Волх. В его глазах читается потрясение от собственных эмоций. Он чуть склоняется ко мне. — А теперь... задавай свой вопрос.

Я вздрагиваю, делаю жадный глоток ледяной воды. Волх не отрывает взгляда от моего лица, и его радужки мягко светятся в полутьме чем-то древним, потусторонним.

Я отвожу глаза, поднимаю голову и упираюсь взглядом в могучую крону дуба.

— Что это за место?

— Место моего рождения, — просто отвечает он.

Сказав это, он опускается на землю прямо у гигантских корней и долгим взглядом приглашает меня присоединиться. Я послушно сажусь рядом.

— У каждого, в ком течет кровь бога, есть такое место.

— Место силы, — внезапно догадываюсь я.

— Да, — его голос звучит глубоко, утробно, и я чувствую, как меня мягко баюкают эти низкие, вибрирующие нотки.

Наваливается приятная, тяжелая усталость. Так и хочется положить голову ему на плечо, закрыть глаза и просто уснуть. Моя голова уже готова склониться на его жесткое плечо, как вдруг в дикое веселье нечисти у костра врывается резкая, тревожная суматоха.

Глава 12. Гниль

Лесная нечисть вокруг начинает волноваться, по рядам прокатывается суеверный шепот:

— Гниль... Гниль идет!

Тихий ропот мгновенно перерастает в истошный вой. Тени мечутся по поляне. Из темноты, тяжело дыша, вываливаются мавки. Они волокут за собой огромного лесного волка. Зверь еще был жив, он скалится, рыча и судорожно припадая к земле, но от одного взгляда на него к горлу подкатывает тошнота.

Волх изменяется в лице за секунду. Он рывком поднимается, его рука инстинктивно ложится на рукоять тяжелого клинка у пояса. Когда он расправляет огромные плечи, закрывая меня от жуткого зрелища, ужас на миг отступает. Я уверена: Хозяин справится. Весь лес, вся замершая нечисть смотрят теперь только на него.

Волка подтаскивают к его ногам. Плач и причитания «лес гниет!» заполняют воздух, заглушая треск костра. Волх медленно вытягивает руку над головой умирающего зверя. Я замечаю, как на его пальцах тускло поблескивают три кольца: белое, золотое и черное.

Он закрывает глаза, и на мгновение случается чудо: раны волка начинают стягиваться, а листва дуба над нами стре-

мительно зеленеет, возвращаясь в сочное лето. Волх пытается отмотать время назад, вырезать момент болезни из ткани реальности. Но магия срывается. Зелень мгновенно жухнет, обращаясь в прах, а волк валится на бок, скуля от невыносимой боли. Чернота продолжает пожирать его тело.

Тогда Волх решительно опускается на одно колено. Один точный удар клинком — и он прерывает мучения животного. Но то, что следует за этим, страшнее смерти. Тело волка на глазах рассыпается гнилью; внутренности, в которых копошатся жирные белые личинки, вываливаются на траву, источая сладковатый запах разложения.

Я зажимаю рот ладонью. Нечисть бросается врассыпную, ветви деревьев в вышине смыкаются, погружая поляну в тяжелый полумрак.

Волх проводит ладонью над останками, и в клубах серого дыма я вижу сердце леса, где когда-то били чистые ключи. Теперь там вместо воды пульсирует черная слизь. Вековые деревья стоят голыми, их кора отваливается пластами, обнажая гнилую сердцевину, а земля под ними шевелится от миллиардов червей. Скверна не уже переваривает этот мир.

Со всех сторон слышатся шепотки.

— Это потому что Хозяин забыл о долге.

— Думает только про себя.

Я оборачиваюсь, собираясь найти источник, но ропот как будто доносится отовсюду.

Волх в этот миг резко свистит. Из чащи бесшумными тенями вылетают его жуткие всадники и черная как ночь лошадь. Он вскакивает в седло своего вороного коня.

— Позаботьтесь о Хозяйке! — гремит голос Волха. — Кто ее обидит, того не пощажу!

Лешие покорно склоняются. Волх уже собирался пустить коня в галоп, но я, повинаясь импульсу, бросаюсь к нему и неловко берусь за холодное железное стремя. Я не могу допустить того чтобы он один отправился в сердце этого жуткого разложения.

Мне страшно за него и за себя.

На мгновение лицо Волха смягчается. В его глазах вспыхивает что-то очень теплое — так смотрят на дорогого человека, о котором хочется заботиться вечно. У меня перехватывает дыхание, сердце предательски екает. Но страх за него оказываются сильнее.

— Позови богатырей! — выдыхаю я. — Они знают, как биться с Гнилью!

Тепло в глазах Волха мгновенно вымерзает. В глазах вспыхивает тьма, а лицо превращается в каменную маску.

— Богатырей? — Его голос звучит как хруст ломающегося льда. — Мой лес гниет, а ты предлагаешь мне молить о помощи щенков, которые убивают лесной народ забавы ради?

Он резко ударяет коня пятками. Огромный зверь встает на дыбы, едва не сбивая меня с ног, и всадники скрываются

в вихре листьев, унося Хозяина Осени навстречу Гнили.

Вихрь из палой листвы скрывает его силуэт, и я невольно прижимаю ладонь к груди. Сердце бьется неровно, загнанной птицей. В голове набатом стучит один и тот же вопрос: в кого он превращается в такие моменты?

Вокруг меня смыкается кольцо мавок. Они обступают меня, словно свою госпожу.

— Возьми огонь, — шепчут они. Голоса их — журчание воды по камням, шелест камыша. — Возьми, возьми... Тепло и свет верни в терем.

Я слушаюсь. Одна из дев протягивает мне тяжелую ветвь, обмотанную ветошью и щедро пропитанную густой сосновой смолой. Я опускаю ее в догорающий костер. Пламя жадно слизывает деготь, ветка вспыхивает, озаряя лес багровым светом.

А позади него я вижу как боровики хоронят то, что осталось от пораженного гнилью волка.

Становится зябко. Нечисть нехотя разбредается по норам, но несколько леших остаются у ворот — недвижимые, похожие на корявые пни. Видимо, приказ Хозяина охранять меня для них закон. Мавки следуют за мной в терем, и я не гоню их.

Я зажигаю лучины. Желтый свет дрожит на бревенчатых стенах. Мавки рассаживаются по лавкам и без спросу начинают гадание. Достают из углов старое сито, насыпают в него овес вперемешку с сухими ягодами калины. Зерна стучат по

дереву, предсказывая судьбу: быть крови, которая захлестнет все Тридевятое царство, а, может, и больше.

Я роняю голову на руки, не желая это слушать и тут, окруженная колдовским туманом, я наконец вижу, в чем суть.

Я вижу Волха, стоящего посреди бранного поля. Вижу выжженные поля, вижу рать, которая вся до единого полегла. Остался только он, такой же одинокий, как и каждую Осень, которую он вынужден был проводить в окружении трех всадников: Утра, Дня и Ночи.

Я вижу как он подходит к поверженной туше Чернобога, как берет его копье и как сам себя ранит в плечо, шипя:

— Ты вернешь мне все. Я тебя заставлю.

Мне становится дурно от этого видения, но морок не отступает.

Я словно наяву вижу Волха, которого прямо сейчас скручивает от агонии, пока он пытается изгнать из леса Гниль. И вдруг меня прошивает догадка: причина этому — я. Это я научила его чувствовать... Раньше Хозяин Осени справлялся с той тьмой, что сидела внутри него, именно потому, что был абсолютно бесчувственным!

Меня подбрасывает на месте. Я обязана помочь ему прямо сейчас. Один он попросту не выдержит!

Мавки прерывают свой заунывный напев и дружно оборачиваются. Я вскакиваю из-за стола: теперь я точно знаю, что должна сделать. Помочь Волху изгнать Чернобога. Ведь это он, проклятый бог тьмы, сумевший прошлой зимой просо-

читься в наш мир, отравляет Осень Гнилью.

— Куда ты, Хозяйка? — летит мне вслед испуганный шепот мавок.

Но я не слушаю. Распахнув тяжелые двери, вылетаю на улицу.

Двор залит мертвенным, бледно-голубым светом полной луны. Тишина стоит такая, что слышно, как опадают сухие листья. Лишь где-то в чаще ухает сова знакомым, почти человеческим голосом. Раньше я бы задрожала от страха, но теперь знаю — это просто лесная нечисть. Подбираю подол алого сарафана и сбегая с крыльца прямо в мокрую от росы траву.

Я закрываю глаза и прислушиваюсь к своим ощущениям, призывая скрытую в крови силу. Мавки бесшумными тенями вытекают со двора, устремляясь следом. И тогда я срываюсь с места.

Яростный бег кружит голову, но страха больше нет. Мне кажется, что у меня за спиной распахнулись крылья: стоит только оттолкнуться от пригорка, как я с легкостью перемахиваю через зияющий зев оврага. Тяжелые юбки послушно струятся следом, ничуть не стесняя движений.

Оглядываюсь. Бледные девы безнадежно отстают. Я выпускаю быстрее, и лес вокруг преображается: трава сама ластится к босым ногам, колючие ветки услужливо расступаются, а вековые стволы подмигивают колдовскими огнями из самой чащи. Заметив, что мавки снова показываются в

отдалении, я лишь небрежно веду рукой, путая им тропинки и заплетая корни в непролазные узлы. Я чувствую, как огромный лес дышит со мной в унисон, подчиняясь каждому вздоху. И я приказываю ему: *веди к Волху*.

Вдруг чьи-то горячие руки перехватывают меня, материализуясь буквально из воздуха. Огромная фигура вырастает прямо из сплетения ветвей и теней. Я торможу, тяжело дыша, и скидываю голову. Прямо на меня смотрят янтарные глаза Волха, приглушенно светящиеся в полумраке. На его плечах — лишь медвежья шкура. Свежая рана на плече кровоточит, а сам Хозяин Осени легонько пошатывается.

Его бледные губы мелко подрагивают от едва сдерживаемой боли.

Я выпрямляюсь. Ведьминская сила в жилах всё еще поет, но теперь течет спокойно и мощно, словно бурный водопад, наконец вышедший на широкую равнину.

— Царица ведьм, — хрипло выдыхает Волх с нескрываемым, благоговейным восхищением.

Он выпрямляется, и это дается ему с видимым трудом. Я инстинктивно протягиваю руку к его окровавленному плечу, но полубог упрямо, по-звериному отстраняется.

— Не хотел я тебе таким показываться, но... — он тяжело шурится, явно проигрывая борьбу с болью. — Ты бы иначе весь лес вверх дном перевернула.

Волх судорожно вдыхает, переживая очередной приступ. Но даже сейчас, бледный и истекающий кровью, он продол-

жает кривить губы в своей фирменной наглой, плутовской усмешке. И это разом заставляет меня и до скрежета зубов разозлиться на его непробиваемый идиотизм, и... ощутить внезапный, затапливающий с головой прилив щемящей нежности.

Этот невыносимый дурак такой один. Кажется, даже погружаясь в кипящую лаву, он будет самодовольно скалиться в лицо своим врагам.

Шагнув вперед, я крепко обхватываю его руками и прижимаюсь щекой к мощной, горячей груди. Там, под ребрами, гулко и надрывно ухает его сердце. Волх застывает, словно боясь дышать, чтобы не спугнуть это мгновение.

— Я вернула тебе способность чувствовать боль. Мне это и расхлебывать, — жарко шепчу я, полностью открывая за-
слонки своей пылающей магии.

Глава 13. Его тень

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.